

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ВЕДЬМИН
РОД

ОТ АВТОРОВ
«VITA NOSTRA»
И «ЛУЧ»

Марина и Сергей Дяченко
Ведьмин род
Серия «Ведьмин век», книга 3
Серия «Миры Марины
и Сергея Дяченко»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62999023
Ведьмин род / Марина и Сергей Дяченко: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-112023-8

Аннотация

«Ведьмин род» Марины и Сергея Дяченко завершает трилогию, начатую романом «Ведьмин век», и является прямым продолжением романа «Ведьмин зов».

Герои живут в необычном мире, где одновременно существует и ядерное оружие, и ведьмы, и независимая от государства Инквизиция, призванная бороться с последними. В романе мастерски переплетены триллер, детектив и психологическая драма. От расследования в мрачном провинциальном городке до политической борьбы в самой верхушке общества – мы видим мир, который, при всей магии, так похож на наш.

Содержание

Часть первая	11
Часть вторая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Марина и Сергей Дяченко

Ведьмин род

* * *

Ровно в десять пожилой инквизитор явился на допрос: Руфус, бывший куратор округа Ридна, властолюбивый, заносчивый, высокомерный Руфус переступил порог своего кабинета, лишенный должности, в роли подследственного.

В двух огромных клетках порхали и пели экзотические птицы. Вдоль стен помещались пальмы в кадках. Инквизитор посмотрел сперва на птиц – кажется, с тревогой и сожалением. Потом перевел взгляд на того, кто занимал теперь кресло куратора.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Мартин Старж.

Простые слова поразили Руфуса, как пощечина, – в собственном кабинете он, выходит, не мог больше сесть без позволения.

– Да погибнет скверна, – буднично продолжал Мартин. – Я обвинил вас в служебном подлоге на основе показаний некой ведьмы. Но записи допроса я не вел. Повторить свои слова ведьма не сможет. Таким образом, у меня нет против вас ни улик, ни свидетелей – только то, что знаем мы оба. Теперь вопрос: от чего умер ваш заместитель, инквизитор

Иржи Бор? От сердечного приступа?

Сделалось тихо. Руфус тяжело дышал; до него медленно доходило, в какую ловушку загнал его Мартин. Панический рапорт об отставке уже подан, служебное расследование запущено, отступать поздно... или не поздно?! На лице у бывшего куратора застыло мучительное сомнение: он должен был сделать выбор из двух одинаково плохих вариантов.

Пауза затягивалась. Руфус молчал, будто ему заклеили рот. Мартин не торопил его; новая попытка солгать оказалась бы для бывшего куратора непереносимым унижением, тем более что унижаться пришлось бы перед человеком, которого Руфус презирал и ненавидел. Но признание грозило неопределенными последствиями в будущем – Руфус должен был передать свою судьбу в руки Мартина, причем по своей воле, раз доказательств нет.

– Вам нужно время, чтобы принять решение? – мягко осведомился Мартин. Руфус посмотрел на него с ненавистью и мукой. Хотел что-то сказать, но снова промолчал. Прошло еще несколько минут.

– Мой заместитель Иржи Бор, – начал наконец Руфус не своим, напористым, а очень слабым и бесцветным голосом, – был убит ведьмой...

Мартин вытащил из кармана диктофон, включил и положил на стол. Руфус говорил, выжимая из себя слова с трудом и омерзением; с каждым словом в его голосе все больше звучала растерянность, будто он сам не понимал, как мог по

доброй воле совершить то, что совершил:

– ...он был обнаружен нами, мной и подчиненным, на столе в кухне арендованной квартиры, его грудь рассечена, сердце изъято и частично помещено... в ротовую полость. С момента смерти прошло не менее трех суток. Задержать ведьму по горячим следам не представлялось возможным. Я счел... оправданным не предавать этот случай огласке... чтобы не способствовать паническим настроениям. Учитывая, что ведьма давно покинула провинцию... по моим расчетам... И огласка не имела бы положительного эффекта... Я не стал докладывать в Вижну о происшествии. По официальной версии, Иржи Бор умер от сердечного приступа.

Он замолчал. Мартин выждал паузу:

– Что-то еще хотите добавить?

– Все, – мертвым голосом сказал Руфус.

Мартин выключил диктофон:

– Не под запись. Можете объяснить – зачем?! Такой опытный человек, как вы...

– Ты не поймешь, – Руфус разглядывал столешницу.

– Что мне помешает?

Руфус поднял взгляд, будто камень, и посмотрел на Мартина через стол – с тоской:

– Один рождается с серебряной ложкой во рту... по факту рождения получает все... Статус, деньги, свободу, возможности... преференции... Пост куратора округа Одница в двадцать семь лет... А другой тяжело работает с детства,

пробивается сквозь жизнь, как сквозь застывший бетон... с чугунными гирями на ногах... голодает в юности, чтобы покупать книги... изнашивается, стареет, зубами выгрызает успех... Получает какое-то признание... Но судьба издевается, подсовывая безнадежное дело... и единственная попытка обмануть судьбу... заканчивается вот так.

– Вы не судьбу пытались обмануть, – сказал Мартин. – Вы пытались обмануть Инквизицию.

– Радуйся, – пробормотал Руфус, отводя взгляд. – Смотри, торжествуй: человек рвал жилы всю жизнь, чтобы оказаться накануне пенсии выброшенным. За бортом. На дне. Работать курьером, если возьмут... пищу разносить...

– Зачем же так мрачно? – Мартин приподнял уголки губ. – В тюрьме кормят бесплатно. А когда выйдете, как раз и пенсия подоспеет.

Руфус вскинул на него ошеломленные глаза:

– И где же здесь уголовный состав?!

– Соучастие, – Мартин невинно улыбнулся. – После Иржи Бора она убила еще двух инквизиторов в Однице. А вы соучастник, вы скрыли ее преступление. Можете доказать, что бескорыстно?

– Какой же ты ублюдок, – с болью прошептал Руфус.

За несколько секунд он вылинял, как тряпка, брошенная в чан с отбеливателем. Глаза сделались совсем крохотными и подернулись дымкой.

– Я пошутил, – сказал Мартин после паузы. – Предъявлять

вам соучастие – значит сводить личные счета. Я не стану.

Руфус близоруко моргнул. Перевел дыхание:

– Издеваешься...

– Вижу, что неудачная шутка. – Мартин пожал плечами. – Извините.

– «Не стану», – пробормотал Руфус, кончиками пальцев вытирая уголки слезящихся глаз. – Можешь себе позволить. Быть каким угодно – добрым, великодушным... уважать себя... ценить себя... Никогда ни в чем себе не отказывал... никогда не выбирал, пообедать или починить ботинки...

– Вы правда хотите меня разжалобить? Серьезно?

Руфус скрежетнул зубами, рискуя сломать их.

– Я бы не исключал вас из состава Инквизиции, – сказал Мартин задумчиво. – Ваш опыт пригодился бы, но... человеку, способному на такой подлог, больше никогда и ни в чем нельзя доверять.

– Мне не нужно твое доверие, – процедил Руфус. – Там была ведьма... Чудовищная, судя по почерку. Она ушла, сбежала... Когда мы нашли Иржи, ее и след простыл... мы не могли ее взять, мы никак не могли ее выследить... Могли только признать свою беспомощность и подставиться под порку, ты бы пораздовался... Ну, веселись теперь...

– Вам повезло, – серьезно сказал Мартин. – Если бы вы попытались ее взять – список погибших стал бы длиннее.

Мутный взгляд Руфуса немного прояснился – этот человек все-таки был профессионалом:

– Как ты выкрутился? Почему она тебя не убила?!

– Повезло, – после паузы сказал Мартин. – Флаг-ведьма, колодец под сотню. Реликт. Очень старая, без малого двести лет.

Он мельком бросил взгляд на свою пострадавшую руку – два пластыря, на ладони и на тыльной стороне, и слегка непослушные пальцы.

– Всё тебе, – прошептал Руфус. – Талант – тоже тебе. Удача – валом, горой... Если бы у меня был выбор – я пошел бы в Инквизицию?! Да никогда. А ты пошел... Хотя мог быть кем угодно. И везде получал бы лучшее. Непотопляемый. Неуязвимый.

– Я думаю, на этом мы можем закончить, – сказал Мартин. – По результату расследования вы исключены из состава Инквизиции. В других мерах не вижу надобности. Ваши показания передам в Вижну вместе со своим решением. Птиц, пожалуйста, заберите, я подозреваю, что они вам дороги.

Птицы в клетках, равнодушные к их разговору, беседовали о своем – обмениваясь трелями.

– Люди говорят, ты привез с собой ведьму, – тяжело проговорил Руфус. – И она... инициирована.

– Совершенно верно, – Мартин вежливо улыбнулся. – Это моя жена.

Тусклые глаза Руфуса прояснились и вспыхнули, лицо на секунду сделалось радостным и хищным.

– Наконец-то ты ошибся по-крупному, – прошептал Ру-

фус. – Зарвался, слишком привык к своему везению... Но любое везение когда-нибудь заканчивается. Посмотрим, как закончишь ты.

– Я только начал, – сказал Мартин.

Часть первая

Шел снег, накрывая грязь, лед, опавшую хвою и прошлогоднюю траву. Селение Тышка, спрятанное в горах, выглядело умиротворенным и даже буколическим. Спускались сумерки; на центральную улицу, кое-как очищенную от наледи, выехал черный инквизиторский автомобиль, каких здесь не видели уже давным-давно.

Улицы были пустынные. Дети, прилипнув к окнам, проводили черную машину глазами. Редкие прохожие вытягивали шеи, пытаясь что-то различить за непроницаемыми тонированными стеклами. Инквизиторский автомобиль казался хищным зверем, зловещим, жестоким, наделенным собственной волей. Зеваки переглядывались:

– Ну, всё...

– Что – всё?!

– Конец той ведьме, что в лесу.

– Да что они могут? Нынешние-то инквизиторы... Только выглядят страшно...

Машина остановилась перед местным полицейским участком – деревянным одноэтажным зданием. Некоторое время ничего не происходило. Потом из автомобиля поднялся мужчина в черном пальто, похожем на инквизиторскую хламиду. С непокрытой головой, с канцелярской папкой в руках, издали он мог бы показаться чиновником или банков-

ским служащим, если бы не выражение лица; в лице прибывшего имелось нечто, заставившее зевак перейти на шепот:

– Инквизитор... из этих... маркированных... точно.

Следом из черной машины выбралась женщина, и наблюдатели на секунду потеряли дар речи: в сиреневой куртке и кораллово-красной вязаной шапке она казалась экзотической птицей на снегу, тем более яркой рядом с черным пальто своего спутника. Многим зевакам в этот момент ее лицо показалось смутно знакомым.

* * *

Они должны были явиться в селение Тышка с оперативным отрядом полиции. Хотя бы с одним полицейским экипажем. Но вышло иначе; накануне, встретившись с комиссаром Ридны, Мартин вернулся, исполненный мрачного сарказма:

– Уже очень давно никто не смотрел на меня, как на дрессированную мартышку.

– Думаю, на тебя никто никогда не смотрел, как на дрессированную мартышку, – примирительно сказала Эгле.

– Все случается впервые, – Мартин ухмыльнулся. – Интересный новый опыт.

К тому времени из бывшего кабинета Руфуса вынесли клетки вместе с птицами, остались только пальмы в кадках – пыльные, приземистые, карикатурное напоминание о на-

бережной Одницы, где пальмы упираются в голубое небо и катятся белые волны на длинные- длинные пляжи. Эгле коротко вздохнула.

– Как же хорошо было в Однице, – сказал Мартин, будто отвечая на ее мысли, но имея в виду отнюдь не пальмы. – Комиссар Ларри со мной носился, как с любимым младшим братом. Если мне что-то требовалось вне моих полномочий, полиция всегда была наготове; а этот солдафон считает меня креатурой отца, сопляком, марионеткой и причиной отставки Руфуса.

– Он так прямо и сказал?! – Эгле взвилась, готовая перекусить обидчику горло.

– Нет, он не до такой степени обалдел. – Мартин улыбнулся, растроганный ее праведной яростью. – Но поддержки от комиссара не будет, а будет саботаж. Мне придется самому работать с полицейскими на местах, с экспертами в районном центре, с констеблем в этой самой Тышке...

– Ты же не собираешься ехать туда один?

– Полицейский эскорт мне не дадут, – сказал он задумчиво. – А своих людей я не имею права привлекать, потому что это не инквизиторская операция. Да и нет свободных оперативников, я же сам их погнал в патрули – всех, способных отличить ведьму от фонарного столба... В Однице я бы договорился, но здесь ни одной рожи толком не знаю, все меня авансом ненавидят, и работать придется кнутом, а никак не пряником...

Он ухмыльнулся, и Эгле подумала, что куратор Мартин из Одницы остался далеко, на залитом солнцем берегу, а в бывшем кабинете Руфуса сидит теперь Мартин из Ридны – сумрачный, жесткий, под стать этим горам и всей этой провинции.

...Неделю назад он сообщил ей о своем новом назначении – перед тем, как окончательно принять его. Эгле не стала ни обсуждать его решение, ни сомневаться вслух, но Мартин, конечно, правильно истолковал ее молчание:

– После отставки Руфуса и пожаров... там просто развал, в этой Ридне. Там очень паршивая ситуация.

И еще темнота и холод, подумала Эгле. Ужасная погода и чужие люди, которые заранее готовятся сожрать тебя живьем. И ведьмы, много действующих ведьм. И «Новая Инквизиция». Поэтому ты туда едешь.

– Замечательная провинция. – Он улыбнулся, будто приглашая ее в океанский круиз. – Никто, кроме меня, не справится.

– Кроме нас, – сказала Эгле, принимая его правила игры. У них обоих были скрытые мотивы ехать в Ридну: Мартин мечтал оправдать доверие отца. Он, возможно, сам не понимал, насколько одобрение Клавдия для него важно, а если бы Эгле открыла ему глаза – удивился бы и, чего доброго, оскорбился. Но и у нее был мотив, который следовало скрывать от Мартина: в горах Ридны пряталось нечто, что давало ведьмам надежду. Древняя легенда о «чистой» инициации.

– Кроме нас, – повторила она в ответ на его вопросительный взгляд. – Смело включай меня в свои планы, Март. В мир через меня пришло что-то новое – давай же устроим небольшой тарарам и поменяем человечество к лучшему.

– Да, – сказал он, обрадовавшись перемене ее настроения. – Небольшой тарарам делу только на пользу!

И вот теперь они сидели в бывшем кабинете Руфуса, за окном выл ледяной ветер, и все опасения подтверждались, а надежды – пока что нет.

– Тышка – очень плохое место, – сказала Эгле осторожно.

– Я тоже умею быть плохим. – Мартин оскалился, чтобы у нее не осталось сомнений.

– Я поеду с тобой, – сказала она тверже. – Я... должна тебе кое-что показать.

Он открыл рот, чтобы ответить, но запнулся и на секунду задумался.

– Эгле, – сказал, колебавшись, с огромным сомнением. – Мы очень лихо взялись тут за дело... Но теперь я думаю, что лучше бы нам притормозить. Ты действующая ведьма. Твой юридический статус непонятен. Тобой уже интересуется множество людей. Здесь, во Дворце Инквизиции, у меня есть власть, чтобы поступать по-своему, но...

– Я приехала в проклятую родную провинцию не за тем, чтобы отсиживаться в норке, – сухо отозвалась Эгле. – Иначе что я здесь делаю?!

Кажется, он воспринял ее слова как угрозу. И, похоже,

угроза подействовала.

* * *

В глубине души Мартин был, конечно, очень ей благодарен, потому что эта дорога в одиночку далась бы ему куда труднее. Дело не в горном серпантине, местами покрытом грязной наледью, и не в снеге пополам с дождем, и не в мутной туманной пленке, облепившей стекла и зеркала, – нет, Мартин прекрасно чувствовал себя за рулем в любую погоду. Дело было в селении Тышка и событиях, с ним связанных. Мартин направлялся в поселок, вызывавший у него омерзение и страх, поэтому было так важно, что Эгле сидела рядом, комментировала пейзажи по сторонам дороги и весело болтала, будто они ехали на лыжный курорт. Мартин улыбался ее шуткам, согревался о каждое ее слово и невольно думал о приятном: как они наконец-то будут жить вместе, не расставаясь даже по будням. Как они поедут все-таки в круиз. Как они быстро и легко закончат дела в селении Тышка и вернутся в город Ридна, центр провинции, сегодня к полуночи.

Они позавтракали в маленьком кафе на бензозаправке. Удивительно, но в Ридне даже в самых неприглядных и странных местах хорошо кормили.

Развеселившись чему-то, Эгле случайно уронила чашку со стола, расколотила вдребезги и тут же подняла, не задумываясь, совершенно целую. К счастью, официантку удалось

убедить, что звон разбитой посуды ей померещился. Эгле лукаво улыбалась, свесив на лоб сиреневые пряди, и, кажется, собиралась разбить что-то еще, но Мартин ее предостерег:

– Парад аттракционов? Ты уверена?

Эгле захрустела теплым яблочным рулетом с корицей:

– Ты прав, не надо привлекать внимания... Знаешь, иногда все нормально, а иногда, вот как сейчас, я себя спрашиваю: да кто я такая-то, а? Кто я, Март?

– Звезда киноиндустрии, гуру исторического костюма.

– Ага, без работы и без новых проектов... А может, мне спродюсировать наконец-то нормальное кино о ведьмах? Сыграть главную роль? Все трюки устраивать самой, так не поверят же, решат, что спецэффекты. Кино – территория обмана...

Она засмеялась, откинув волосы и открыв лицо, и Мартину показалось, что она светится – легкая, ясная, свободная, несмотря на то, что творится в мире, и несмотря на то, что ждет их в конце путешествия.

* * *

Вскоре после того как они выехали с заправки, на дороге случился отвратительный инцидент. Сразу за поворотом прямо под колеса бросилась косуля. Мартин успел уклониться от удара, но косуля, доковыляв до обочины, все равно упала: ее бок блестел от крови.

– Ублюдки! – рывкнула Эгле, выскакивая из машины. – Браконьеры!

Косуля была подранена несколько часов назад. Охотникам она не далась, но и выжить ей было, похоже, не суждено.

– Сволочи, – бормотала Эгле, – косорукие снайперы... Ничего, я сейчас все сделаю...

Склонившись, она протянула руки над влажным блестящим боком, и Мартин на секунду поверил, что косуля оживет, подпрыгнет и убежит. Прошло несколько длинных минут, косуля не двигалась, зато руки Эгле подрагивали все заметнее. Наконец, она обернулась через плечо, бледная, сосредоточенная, требовательно взглянула на Мартина:

– Скажи мне, как тогда говорил: «Почини!»

– Почини, – попросил Мартин.

Эгле снова склонилась над косулей, протянула руки, но маленький зверь был уже мертв.

– Почему?! – поднимаясь, Эгле посмотрела на Мартина, кажется, с упреком. – Почему у меня ничего не вышло, а?!

– Ты не всемогущая, – сказал он тихо.

С этого момента Эгле если и шутила в дороге, то через силу, чтобы показать Мартину, будто ничего не случилось.

Световой день в это время года очень, очень короток. Чем ниже склонялось укрытое дымкой солнце, тем реже Эгле принуждала себя нарушать молчание. Она глядела по сторонам, будто что-то пытаясь отыскать, напряженно ожидая каждого поворота; обочины были засыпаны старым и новым

снегом вперемишку с сухими листьями и бурой хвоей.

– Скоро? – спросил Мартин.

– Да.

Мартин увидел сосну в стороне от леса, опасно близко к дороге, и затормозил так резко, что машину повело.

Здесь до сих пор воняло бензином. На обочине, у ограждения над обрывом, валялся отбитый бампер. Осколки пластика и стекла, пустая канистра на боку, радужная лужа в дорожной выбоине у самого ограждения. Разбросанные вдоль дороги дрова.

– Как они орали, – сказала Эгле с косой улыбкой. – Как они дрыгали ногами... в воздухе... Конечно, убивать «глухую» ведьму легко и приятно, а когда приходит действующая, господа линчеватели прудят в штаны...

И она засмеялась, хотя весело ей ничуть не было. Она, конечно, чувствовала то же, что и Мартин: жуть этого места, ужас и отвращение.

– Поехали, – сказал Мартин.

– погоди! – Эгле брела вдоль дороги, всматриваясь в горы листьев под тонким слоем снега. – Была одна вещь... Если я правильно запомнила...

Она протянула перед собой руку ладонью вниз. Листья завертелись, подхваченные порывом ветра, и разлетелись в стороны.

– Не делай так! – Мартин в два широких шага оказался рядом.

– Почему?

– Потому что это привлекает внимание.

– Но здесь же никого нет?

В куче грязи и листьев угадывался предмет: видеокамера. Объектив был расколот, аккумулятор наполовину вылез из гнезда. Камера свалилась, кажется, с неба, и это был ее последний полет.

Мартин, жестом остановив Эгле, натянул перчатки, поднял камеру, бегло осмотрел. Поддел карту записи. Вынул, осторожно держа за края.

– Если это то, что я думаю, – сказала Эгле и облизнула губы, – ты не должен бы это видеть.

– Я обязан.

– Тогда можно я не стану смотреть? – сказала она с неожиданной детской интонацией, и Мартину стало очень жалко ее.

Он упрятал видеокамеру – доказательство – в полиэтиленовый пакет. Избавился от перчаток, взял свой ноутбук и устроился в машине, на пассажирском сиденье, а Эгле прошла немного вперед по дороге и села на покрытый мхом огромный камень. Повернулась вполоборота к Мартину, уставилась на горы по ту сторону ущелья, замерла, как придорожная статуя: тонкий профиль. Сиреневые волосы, собранные на затылке. Одиноким луч солнца, пробившимся сквозь облака, лег у ее ног, будто собачонка.

Мартин не без усилия оторвал от нее взгляд. Вставил

карточку в разъем. Видеофайл открылся, не сопротивляясь. Мартин увидел на экране, как льется бензин на сложенные у чьих-то ног дрова и чьи-то руки прикалывают к женской куртке бумажный листок с надписью «Новая Инквизиция».

Качество записи было, как на грех, преотличное. Камера поднялась выше, Мартин увидел свою мать – Ивгу Старж, прикованную к древесному стволу. Штабеля дров, уже облитые бензином, поднимались выше ее колен.

– Ты зло, ты грязь, – бубнил молодой голос за кадром, приглушенный, вероятно, мотоциклетным шлемом.

Мартин сжал зубы. Мельком глянул поверх экрана; Эгле все так же сидела у дороги на камне, повернувшись спиной к огромной сосне на противоположной обочине – тому самому дереву, до сих пор источающему запах бензина.

– Твоя сестра ни в чем не виновата, – проговорила Ивга на экране, ее голос был искажен динамиком и звучал очень глухо.

– Заклейте ей рот! – заорали несколько голосов за кадром, все мужские, и Мартин судорожно сжал кулаки.

– Зачем вы делаете это с собой? – продолжала Ивга. – Вы же люди, зачем вы себя калечите? Еще не поздно сейчас остановиться!

Человек с закрытым лицом поджег смоляной факел. Оператор отступил, чтобы взять средний план: люди в масках и шлемах передавали друг другу огонь, зажигали один факел от другого. Ивга мучительно задергалась, пытаясь осво-

бодиться, и Мартин остановил воспроизведение.

Пот заливал глаза. Невозможно на это смотреть, Эгле была права...

Он вытащил пластиковую бутылку с водой, напился, чуть не залил водой ноутбук. Эгле по-прежнему сидела на обочине, не шевелясь, глядя в пространство, глаза широко открыты. Известно, что она видела в этот момент.

Мартин снова запустил воспроизведение. На экране факелы – крупным планом – коснулись дров, в ту же секунду штабель будто взорвался, поленья разлетелись, подхваченные вихрем, в полете роняя и стряхивая огонь, окутываясь дымом. Изображение завертелось, закувыркалось, камера воспарила высоко над дорогой. Можно было только догадываться, что творится внизу – дикий смерч, подхвативший мужчин с факелами, неразборчивые вопли, визг ужаса, мельком – Ивга у сосны, а за ее спиной темная женская фигура, лица не разглядеть...

Камера завертелась быстрее, ринулась вниз, хлоп, и экран потемнел. Все.

Мартин сидел несколько долгих минут, собираясь с силами. Потом вернулся к кадру, возникшему за несколько мгновений до финала: Ивга у сосны, за ее спиной силуэт женщины. Мартин несколько секунд смотрел на него, пытаясь выровнять дыхание.

Потом, преодолевая дрожь в руках, вынул чип, сложил в отдельный конверт. Выбрался из машины. Подошел к Эгле,

все так же сидящей на камне, встал рядом на колени и обнял, прижавшись лицом к ее сиреневой куртке.

Она чуть вздрогнула. Положила ладони ему на виски:

– Как же я не хотела, чтобы ты на это смотрел...

Торопливо задышала, непроизвольно содрогнулась еще раз. Мартин выпустил ее и отступил:

– Тебе больно?

– Ты бьешься током, как шаровая молния. – Она встала, дотянулась, обняла его. – Но это моя молния, не выпущу, не надейся.

Его все еще трясло, и он никак не мог унять лихорадку. Эгле держала его, прижимая к себе, окутывая, обволакивая, преодолевая свою боль и его потрясение:

– Март, любимый, все хорошо закончилось, проехали. Успокойся, все.

– Спасибо, – сказал он шепотом. – Но какой же ценой!

Она дождалась, пока он перестанет дрожать, потом опустила руки и отстранилась. Критически оглядела его пальто, стряхнула пару налипших сосновых иголок, поправила шарф на шее Мартина:

– Тебе идет строгий деловой стиль. Впрочем, на тебя можно надеть мешок из-под брюквы, и он будет сидеть элегантно... Давай запустим в Ридне дом моделей?

– Я никакая не модель, – сказал он непослушными губами. – Я оригинал инквизитора в натуральную величину.

Она всмотрелась в его лицо, сказала другим голосом:

– Это вовсе не ужасная цена, Март. Хотя, знаешь, я бы заплатила любую. Бывают случаи, когда торговаться... не приходится.

* * *

«Веками быть ведьмой означало проклятие, изгнание, казнь без суда и вины. Нас убивали инквизиторы, написав для этого изуверские законы, нас убивали обыватели, не утруждая себя формальностями. Мы обманывали себя, когда верили, что идеалы добра и общее смягчение нравов делают нашу жизнь лучше. Нет; пока существует инициация, как обряд превращения человека в чудовище, любая ведьма опасна, как бомба с часовым механизмом. Кто пустит бомбу на порог? Кто отважится любить бомбу?»

Ивга Старж посмотрела поверх монитора на свой дом, увитый виноградом; голые зимние лозы прижимались к стене, переплетаясь поверх живописно-неровного камня. Был теплый день в конце зимы, спокойный и размеренный, и у Ивги немного звенело в ушах – так бывает, когда вой и грохот катастрофы вдруг стихают и наступает тишина и выясняется, что самого страшного не случилось. Больше того там, где зияла пропасть, открылся портал в новый мир. Это больше не легенды, не перепевы старых мифов, это почти готовое лекарство, почти доказанное спасение для человечества – и для всех, кому довелось родиться ведьмами. Надо всего

лишь не торопиться, осмыслить все, что случилось, разложить по полочкам и преподнести этим скептикам так, чтобы даже они не могли уже отрицать...

Ивга улыбнулась, глядя в небо, по виду совершенно веселее. Написала, оставив большой пробел между фрагментами текста: «...Да, простых решений не бывает. Да, «чистая» инициация – не готовый рецепт. Наивно думать, что ведьме достаточно пройти обряд, придерживаясь определенных механических правил, чтобы стать целительницей, свободной от скверны. Пусть не решение, пусть только шанс – но впервые в истории мы...»

Она оставила текст незаконченным. Задумалась. Некстати вспомнилась надпись на разрушенном камне, в глухом лесу, в горах Ридны: «Мир полон зла. Скверна вездесуща».

Побарабанила пальцем по краю стола. Поставила отметку: здесь должен быть большой фрагмент текста, еще не осмысленного, не структурированного. А потом, в завершение, она напишет вот что: «Мы – свидетели величайшего перелома в истории. Обряд инициации перестанет быть приговором. Тысячелетний конфликт человечества и ведьм будет разрешен, и не останется места насилию и страху...»

Она критически перечитала последнее предложение и подумала, что некоторый пафос неизбежен, – и отлично будет звучать с кафедры, перед публикой. Эмоциональный контакт со слушателями, драматическая пауза, потом аплодисменты... Ивга улыбнулась сама себе: немножко тщеславия в

этот почти весенний вечер. Работы еще полно, но каков же, каков будет результат!

Все еще рассеянно улыбаясь, она подышала на озябшие руки и, подхватив компьютер, направилась в дом.

* * *

Прежде Эгле не замечала, до чего красивы здешние горы. Сейчас, когда развеялся дым от горящих лесов, когда тяжесть с ее души чуть отступила, Эгле все больше казалось, что она попала внутрь книжной иллюстрации, видового альбома: новая открытка за каждым поворотом. Склоны и кроны, игра света и тени, огромные валуны, будто порождения сурового, но не чуждого романтике скульптора. Край незамерзшего озера, прикрытый низко склоненными ветками, и на черной воде – два белых лебедя.

– Март! – Эгле не удержалась. – Смотри!

Он притормозил так близко к краю пропасти, что снаружи зашелестел, осыпаясь, гравий.

– Почему они не улетели на зиму? – В его голосе было больше тревоги, чем восхищения. – Что они едят?!

– Им виднее, – Эгле засмеялась. – Истощенными не выглядят, несчастными – тоже.

Лебеди, как по команде, расправили крылья, позируя. Мартин осторожно тронул машину:

– Когда мне было четырнадцать лет, я увидел в парке дев-

чонку, которая кормила лебедей белым хлебом. Отщипывая кусочки от такой, знаешь, длинной витой булки, нежной внутри, хрустящей снаружи. Она была с виду моя ровесница, на год старше, как потом выяснилось. И я, бескомпромиссный защитник природы, стал на нее орать...

– Ты?!

– Ну, внешне это выглядело пристойно, я даже голоса не повышал... почти. Но я сообщил, что она убивает птиц, что лебеди в лучшем случае ожиреют, не улетят на зиму и вмерзнут в лед, и она придет полюбоваться на прекрасные белые трупы. А в худшем с ними сделается несварение, разбухший хлеб забьет внутренности, птицы сдохнут в корчах прямо сейчас, и она, опять-таки, сможет полюбоваться на прекрасные белые...

– Это что, правда?! – спросила шокированная Эгле. – На счет хлеба и лебедей?

– В целом да, но я, конечно, сильно преувеличил.

– На месте девочки я бы там и утопилась, в пруду.

– Она была к этому близка, – Мартин вздохнул. – Могла бы просто плюнуть и уйти, или обругать меня, или огрызнуться. Но она даже не пыталась себя защитить. Зарыдала, как в последний раз в жизни, так отчаянно... И я понял, что, наверное, сделал что-то не то и надо исправлять содеянное.

Дорога отвернула от ущелья и протянулась в ложбине между двух гор. Подмерзшее полотно блестело наледью. В багажнике ехала провонявшая бензином камера в полиэти-

леновом пакете, в деловой папке хранился чип с видеозаписью прерванной казни. Эгле была благодарна Мартину, который держал удар, как бронированный солдат на поле боя, и не говорил сейчас ни об Ивге, ни о «Новой Инквизиции» в селении Тышка.

– ...Два часа после этого я просил прощения и утешал, как мог. Я пригласил ее в кафе...

– Только не говори, что у вас была любовь, – быстро сказала Эгле.

– В четырнадцать лет? – Он улыбнулся. – Нет... Но ты никогда не спрашивала о моих бывших, я думал, ты патологически неревнива...

– Я?! – Эгле растерялась. – Это ты пошутил сейчас?

– Хотя в чем-то ты права, – он задумался, вспоминая. – Я на нее запал. Она была балерина, студентка хореографического училища. В тот день впервые за год купила булку, чтобы съесть единственную крошку, больше ведь нельзя. Остальное решила отдать лебедям. Знаешь, балерина в пятнадцать лет – это нечто... не вполне земное. А она, кроме прочего, еще была...

– Ведьма, – пробормотала Эгле.

– Да, среди балетных – ведьм полно, даже больше, чем среди киношников. Я тогда был щенок, естественно, чують ее не мог, спросить напрямую не решался... Я ей просто сказал, что моя мама ведьма, и посмотрел на реакцию. Ох, как она ожила... стала легкой, как голодный лебедь. Ее звали Дафна,

и у нее было отличное чувство юмора... Мы подъезжаем?

– Нет. – Эгле огляделась. – Это не здесь, там трасса поворачивает подковой... И что у вас было дальше с этой девочкой?

– Я познакомил Дафну с мамой, обе остались очень довольны, потом мы вместе ходили к маме на лекции, по студенческим билетам. Это... не то чтобы любовь, но у меня было чувство, что я делаю нечто очень, очень правильное. Что я изменяю мир для этой девчонки, у меня-то по рождению есть все... и я должен делиться с теми, кому меньше повезло. Дафна светилась, летала, пригласила меня на спектакль, где была занята со своим училищем. Но, что совершенно закономерно, через пару дней она узнала, кто мой отец... и сбежала.

Он говорил легко, без тени обиды или огорчения, но Эгле догадалась, что тогда, в четырнадцать лет, он вовсе не был так бесстрастен.

– Испугалась, – сказала Эгле. – Что... она не состояла на учете?

– Состояла. – Мартин аккуратно вписался в крутой поворот. – И как раз мой отец ее ставил на учет за год до нашей встречи, причем со скандалом, с побегами, со спецприемником... Проблема Дафны оказалась не в том, что она ведьма, а в том, что у нее был отчим-мерзавец. Все это я узнал много лет спустя, разумеется.

– Какой кошмар, – пробормотала Эгле.

– У меня волосы дыбом, как вспомню, – просто сказал Мартин. – Эта сволочь, ее отчим, запугивал ее и стыдил, забивал голову дрянью, чтобы девчонка не сопротивлялась. Ты, мол, ведьма, ты похотливая сучка, если кто-то узнает о нашей связи, тебя все проклянут... Прости, Эгле, меня явно не туда занесло, а начал ведь с лебедей. Извини.

– Но... ей ведь помогли? – тихо спросила Эгле.

– Побочный эффект инквизиторского учета, – Мартин ухмыльнулся. – Работая с ней, отец мгновенно понял, что здесь что-то не так, и расколол ее, как он умеет.

– Пытал?!

– Ну что ты, – Мартин посмотрел укоризненно. – Побеседовал. Вытащил проблему на поверхность, раздал пинков ответственным лицам, все забегали как подорванные – прокуратура, опека, директриса хореографического училища... К моменту нашей встречи ее отчим уже год как сидел в тюрьме, Дафна жила в общежитии, и, кажется, психотерапия худо-бедно сработала, потому что мне-то она показалась нервной, немного странной, но веселой и обаятельной девчонкой... не сломленной. Но вот моего отца она видеть не желала, не потому что он Великий Инквизитор, а потому, что она знала, что он знает. Она даже слышать о нем не могла. Обо мне тоже.

– И... как у нее сложилась потом жизнь? – Эгле почувствовала, как мерзнет правая ладонь, и принялась растирать ее левой.

– Нормально сложилась. – Мартин сбавил скорость, оглядывая склоны вокруг. – Балериной не стала, но занялась бизнесом, успешно, и вышла замуж... А главное – инициацию так и не прошла...

Он принялся, раздувая ноздри, и остановил машину у обочины:

– Так, Эгле. Ты ничего не хочешь мне показать?

* * *

Она не знала, хочет ли найти в лесу это место – или, наоборот, желает, чтобы оно спряталось от инквизитора, ушло под землю, под корни жухлой травы. Ее память не хранила деталей; Эгле помнила только, как, спасаясь от палачей, Ивга высадила ее на обочине... Вышвырнула, если честно. И погнала машину вперед, уводя за собой погоню, оставив Эгле просьбу на прощание – спрятаться и выжить...

– Где-то здесь, – она неуверенно огляделась. – Выше по склону.

Верхушки сосен, жадно тянущихся к серому небу. Обвитые мхом, будто драпировкой, красноватые стволы. Вечно-зеленый кустарник вдоль дороги. Мартин смотрел по сторонам, на его лице не было умиления горожанина, оказавшегося в живописном и диком месте. Он был сосредоточен, как футбольный вратарь, чья команда успешно атакует, и угрозы воротам нет – но в любой момент может начаться контратака.

ка.

– Может, не будем искать? – малодушно предложила Эгле. – Может, там уже ничего...

– Точно есть, – он шевельнул ноздрями. – Идем- идем, только под ноги смотри.

И он направился в лес, легко ступая, неслышным охотничьим шагом, и Эгле ничего не оставалось делать, как догнать его и пойти рядом.

– Значит, по местным поверьям, отправить в этот лес сиротку за хворостом означало убить ее? – спросил Мартин на ходу.

– Это сказки. – Эгле осторожно шагала, боясь подвернуть ногу, потому что тонкий слой снега скрывал под собой и корни, и камни, и острые коряги. Высокая жухлая трава покачивалась, хотя ветра не было. Еле слышный скрип в кронах да хруст снега под ногами только подчеркивали слежавшееся безмолвие.

– Эта трава как волосы мертвой великанши, – сказала Эгле, чтобы нарушить тишину.

– А умерла она после визита в парикмахерскую, – пробормотал Мартин без улыбки. – Где ее варварски обработали пергидролем...

Он остановился и снова принялся:

– Я почему спросил про сиротку: здесь очень явный... ведьмин дух. Как на месте массовой инициации. Гипотетическая сиротка, если она неинициированная ведьма, не успе-

ет ничего понять – прилетит, как мошка на огонь... Не так давно одну такую штуку залили бетоном.

– Ивга думает, – пробормотала Эгле, – что их можно сколько угодно заливать бетоном. Эти «штуки» всегда возвращаются. Появляются, исчезают. Ридна – земля ведьм...

Она остановилась. Кажется, ее воспоминания остались здесь, на поросшем лесом склоне, и теперь Эгле вошла в них, как в туман.

Сто лет прошло. Нет, всего-то чуть больше недели. Эгле металась по лесу, Мартин в тот момент был смертельно ранен, Ивгу уже догнали на дороге убийцы из «Новой Инквизиции»... Было плохо, тяжело, страшно, безнадежно. А потом вдруг стало тепло и светло. Запели тонкие голоса, и открылось будущее, и Эгле сделалась кем-то другим, кем не была прежде...

Мартин уже шел вперед, вверх по склону, и было страшновато смотреть, как он шел – хищно, будто зверь по следу. Никаких сантиментов по отношению к этому месту он не испытывал; Эгле сжала зубы – и догнала его.

Земля была неплотно завалена хворостом. Мартин раскидал ветки за пару секунд. Открылась круглая площадка с рельефной спиралью на известняке: миллионы лет назад здесь было море, в нем жила улитка размером с грузовой автомобиль и, околев, оставила на дне ракушку-сифон. Вот ее отпечаток.

Эгле опустилась на колени. Коснулась известняка ладо-

нюю. Мартин посмотрел с тревогой:

– Что ты делаешь?

– Ничего... – Эгле прижала ладонь плотнее. Нет, не показалось: теперь она ясно слышала песню. Хор тонких голосов, женских и детских, сплетенных, как многоцветный венок, уводящих туда, где тепло и радость. В тот день, когда Ивгу догнали молодчики с канистрами, привязали к сосне и уже обкладывали дровами, в тот день Эгле ступила на свой путь в ракушке-лабиринте и с первого шага поняла, что решение верное, что она не дастся палачам и не позволит убить Ивгу. «А по белу я пойду, по белу, по белу...»

– Какая дрянь, – с отвращением сказал Мартин, и Эгле вздрогнула. Мартин смотрел на ракушку с омерзением, и Эгле это болезненно задело:

– Ты смотришь, как инквизитор.

– А как мне смотреть, как ведьме?! – Он пошел в обход рельефа, стараясь не наступать на него ни краешком подошвы. – Это западня, отвратительная ловушка. «Глухая» ведьма, оказавшись рядом, имеет ничтожные шансы спастись – вот тебе и сказка... Девочка идет в лес, а возвращается действующая ведьма, и хорошо, если она будет просто доить чужих коров...

– Мартин, – тихо сказала Эгле. – Не унижай мое решение... не отменяй. Я не попала в ловушку, я хотела спасти Ивгу.

– Я знаю, – сказал он после паузы. – Я говорил... не о тебе.

– Посмотри, какая она красивая. Совершенная, гармоничная – разве она может принадлежать злу? Или хотя бы... одному только злу?

Он продолжал идти по кругу, Эгле не видела его лица и решилась заговорить увереннее:

– Присмотрись! Это место дает шанс... возможность. Это, может быть, подарок всем нам... Это надежда!

Мартин обернулся, сдвинул брови и стал похож на Клавдия Старжа. Эгле напряглась; он оценил ее реакцию и прищурился:

– Ты только что подумала, что я похож на отца.

– Перестань читать мои мысли! – Ей снова сделалось неприятно.

– Перестань так выразительно думать. – Он завершил свой путь, подошел к Эгле и обнял почти что силой. От него едва заметно тянуло холодом, но мурашки, захлестнувшие Эгле, за пару секунд сделались теплыми. Она сдалась и обняла его в ответ.

– Тебе не надо здесь быть, – прошептал ей на ухо Мартин. – Это место плохо на тебя действует.

– А я благодарна этому месту, – сказала Эгле. – Ты знаешь, за что.

– А я благодарен тебе, – он заговорил очень мягко. – Но это никакой не подарок. Это цена, которую пришлось заплатить... Которую ты заплатила за маму, за меня, за нас. Пожалуйста, повернись спиной и иди к машине.

– А ты?

– Догоню через две минуты.

Песня еще звучала в ушах – еле слышно. Эгле с сожалением посмотрела на ракушку, опустила голову и пошла обратно – по следам.

* * *

Мартин дождался, пока она отойдет шагов на двадцать, потом, осторожно ступая, вышел на центр круглой каменной площадки. Ему казалось, что он различает здесь отпечатки ног – многих босых ступней, некоторые совсем маленькие. Девушки – неинициированные, «глухие» ведьмы – шли по спирали, от края к центру, первый шаг делал человек, может быть, испуганный, может быть, обманутый, может, без единой мысли, повинаясь инстинкту и чужому голосу в голове. К концу пути приходило чудовище, стихийное, непредсказуемое и абсолютно безжалостное. Если бы Эгле видела хоть десятую долю того, что видел в своей жизни Мартин...

Впрочем, ей не надо этого видеть.

Он вытащил из кармана маркер – обыкновенный черный маркер, купленный в канцелярском магазине. Повертел в руках. Наклонился и нанес знак на самый центр ракушки – не торопясь, тщательно выписывая детали. Этот же знак использовали инквизиторы сто, двести, пятьсот лет назад, и назывался он в те времена «знак Пса».

Очертания знака задымились. То, что было чернилами в маркере, сделалось другой сущностью, которой Мартин только что придал форму. Затрещал известняк – казалось, ракушка сопротивляется, пытаясь отторгнуть чужое, разрушить тонкую вязь...

– Не надо! Зачем?!

Эгле снова была рядом, он не успел ее остановить. Она упала на колени, судорожно вцепилась в ракушку, будто пытаясь удержать, собрать рассыпающиеся фрагменты, загладить ладонями трещины: напрасно, знак делал свое дело, отпечаток раковины тускнел, известняк разрушался.

– Эгле, – сказал Мартин, пораженный и напуганный ее горем.

Она отшатнулась, будто обжегшись, в отчаянии наблюдая, как разрушается отпечаток на камне. Посмотрела на Мартина – как ему показалось, отчужденно и зло – и пошла прочь, сгорбившись, не разбирая дороги. Мартин крепче сжал маркер и нанес знак еще раз, ближе к краю. Разлетелись мелкие осколки. Над землей повисло облако пыли, ракушка превратилась в прах.

Мартин спрятал маркер. Эгле уходила, не оборачиваясь, ее сиреневая куртка мелькала между огромными стволами.

Он догнал ее и пошел следом, в нескольких шагах за ее спиной. Не решился подойти ближе, не знал, что говорить, не имел понятия, чего ждать.

Она замедлила шаг. Остановилась. Замерла, не оборачи-

ваясь, будто прислушиваясь к чему-то.

– Мне страшно, – сказала шепотом. – У меня... будто в голове помутилось. На несколько секунд. Я потеряла контроль... над собой. Прости.

– А сейчас? – спросил он осторожно.

– Сейчас... – Она переступила с ноги на ногу, глянула через плечо мокрыми воспаленными глазами. Импульсивно, торопливо шагнула к Мартину и прижалась лицом к его плечу: – Кто я?

– Моя жена. – Он бережно обнял ее за плечи. Ощущая ее запах. Чувствуя мягкие волосы, выбившиеся из-под вязаной шапки. Это была Эгле, она никуда не делась, ничего страшного не произошло. Мартин выдохнул с облегчением, сам поражаясь, какие дурацкие и паникерские мысли могли прийти ему в голову.

Она чуть расслабилась под его руками:

– Почему ты не веришь в «чистую» инициацию?

– Потому что после «чистой» инициации, как сказано в источниках, на свет появляется принципиально новое существо – целительница. – Он осторожно поправил коралловую шапку на ее сиреневых волосах. – А ты флаг-ведьма, это тебе скажет любой профессионал. Но с сохранной человеческой личностью и способная не только разрушать, но и восстанавливать связи, лечить, заживлять... Нет, ты не всемогущая. Но это по-прежнему ты.

– Кто – я?!

– Говорил же, что это место на тебя плохо действует, – сказал он сокрушенно.

* * *

Салон черного инквизиторского автомобиля не успел еще остыть, но Эгле все равно поежилась – ей было сложно привыкнуть к этой машине. Снаружи снова пошел снег.

– Есть не хочешь? – буднично спросил Мартин.

Она помотала головой, прижимая к лицу бумажный платок:

– Мне на секунду показалось... что ты разрушаешь красивейшую на свете вещь... или убиваешь... живое существо. Беззащитное.

– Эта штука одурманила тебя, – после паузы проговорил Мартин. – Там нет ни красоты, ни жизни. Это орудие, производящее ведьм.

– Таких, как я?

– Других! – сказал он очень серьезно. – Злобных. Разрушительных. Ты знаешь, сколько их тут прошло до тебя? Где они теперь, все эти «целительницы»? Я тебе скажу: они втыкают нож в дверной косяк и начинают доить рукоятку, течет молоко, потом кровь, потом у соседей умирает корова. Они подбрасывают меченое ведро в песочницу, потом у соседей умирает ребенок. Они рисуют тень-знак на асфальте, и кто первый наступит, гибнет от голода за несколько часов,

при этом ест все, что видит, желудок лопается, печень отказывает, а голод растет, и смерть наступает в результате...

– Не надо! – Эгле зажала уши.

– Не хочешь слушать? А посмотреть не хочешь?! – Он оборвал сам себя и заговорил тоном ниже: – Я понимаю, тебе трудно смириться, но нет «чистой» инициации. Ты осталась человеком не потому, что «правильно» прошла через обряд. Это сочетание многих событий и факторов, породивших мутацию, и вот ты стала тем, кем стала. Это единственное чудо, а не конвейер! Давай же радоваться ему, а не мучить друг друга, и... – Он снова осекся, покачал головой, расстроенный и недовольный своими же словами.

– А зачем тогда, – пробормотала Эгле, – мы ввали друг другу, будто что-то новое пришло в мир, будто это дает надежду...

– Потому что вот. – Он показал ей свою ладонь с затянувшейся раной от сквозного удара кинжалом. – Если это не даст надежду, то что тогда? И еще вот это. – Он взял ее руки в свои, коснулся едва заметных шрамов-звездочек, похожих на экзотическое украшение. – Я жив, и ты жива, я тебя вижу, я говорю с тобой... Чего еще надо? Розовых летающих слонов?

Он вдруг надвинул ей шапку на нос, по-мальчишески и по-хулигански, это так не вязалось с нервом их беседы, что Эгле сперва отшатнулась, а потом расхохоталась. Стащила шапку, поймала его взгляд, и ей сделалось совсем тепло...

Через полчаса они въехали в селение Тышка.

* * *

Деревенский констебль, круглолицый и рыхлый, поднялся визитерам навстречу, заискивающе улыбнулся, впился в Мартина глазами:

– Привет... племянник.

– Обращайтесь ко мне «куратор», – сказал Мартин с характерной интонацией Клавдия Старжа, и ухмылка застыла у констебля на лице.

Эгле прищурилась. Констебль селения Тышка не был похож на Ивгу ни единой чертой лица, ни телосложением, ни цветом волос. Тем не менее он носил фамилию Лис и был ее старшим братом. Тем самым кто однажды выгнал сестру из дома, кто велел ей: «Поезжай...»

Мартин расположился в кресле для посетителей и открыл папку с документами. Эгле отвергла предложенный ей стул, села на край подоконника и закурила, никого не спрашивая.

– Ну что же... куратор, – принужденно начал констебль. – Беда у нас. С ведьмами. Тут ведь как... только отвернись. Девка одна на южном склоне ходила в лес, то травы там лечебные, то грибы... и как стала чахнуть. Увезли в больницу, аж в самый районный центр, ничего не могут понять – лечат-лечат, а она помирает... А когда померла, так ведьмин значок и проявился, вроде как татуировка, на шее, под

ухом...

– И когда это было? – спросил Мартин.

– В позапрошлом году... А в прошлом молоко пропало у коров, маслобойка встала, людям зарплаты не выдали... Тоже ведьма...

– Ведьма удержала зарплаты? – Мартин был убийственно серьезен.

Эгле курила, разглядывая кабинет. На стенах участка имелись, как полагается, портреты разыскиваемых преступников – по таким ориентировкам, блеклым и неправдоподобным, можно было хватать всех подряд, и констебля в первую очередь. Здесь было тесно, как в собачьей конуре; не поднимаясь, Эгле подтянула к себе старую вонючую пепельницу – в девичестве та была ничего себе, можжевеловая, с инкрустацией, видимо, подарок к памятной дате.

– Ведьма извела молоко, – с неловкой улыбкой пояснил констебль. – Пришлось на стороне покупать, чтобы хоть что-то производить, маргарин хотя бы технический, и платили зарплату маргарином... У меня сын на маслобойке работает, так до сих пор где-то в погребе этот маргарин...

– Ближе к делу, – сказал Мартин. – Не прошлый год и не позапрошлый. Чуть больше недели назад. Что здесь было?

– Кошмар, – серьезно сказал констебль. – Вы себе не представляете. Лес загорелся, а ведь зима, снег... А тут горит, будто посреди лета. Дым, пепел на головы падает... Мы уж думали, велят нам эвакуироваться всем поселком. Дома,

пристройки, скотина...

Глаза его затуманились – он был как артист, долго томившийся в одинокой гримерке и наконец-то получивший внимание публики. Живо описывая картины пожара, констебль испытывал радость творчества.

– И ночь напролет мы не спали, радио слушали, ждали, куда ветер повернет... А ветер-то и отвернул от нас! В последнюю секундочку, а то все бы сгорело: и поселок, и сыроварня, и маслобойка... Мы приободрились, и тут... – он сделал страшные глаза, – и тут ведьма... на трассе... напала на людей. Все летало по воздуху – машины... мотоциклы... деревья рвало с корнем! Вот такие глыбы летали! Чудом они выжили, убежали. Побитые все, в синяках, один руку сломал...

Эгле сжала зубы. Народная молва за пару дней превратила случай на трассе в эпическое побоище, но творить легенду оказалось гораздо проще, чем творить правосудие. Эгле хотелось бы прямо сегодня переломать ноги участникам «Новой Инквизиции» в порядке частной инициативы, и это было в ее силах, и никто бы ее не поймал; ей хватило ума не делиться своей идеей с Мартином. И еще она впервые задумалась о том, что отныне ей придется отслеживать ведьму в себе – как Мартин сознательно гасит в себе инквизитора.

– И тут уже мы не выдержали, – продолжал констебль, – связались с Инквизицией на районе, а они нам и говорят – к вам едут прямо из Ридны, из столицы, значит, нашей славной

провинции...

Мартин вынул из папки чистый лист бумаги, положил перед констеблем:

– Список, пожалуйста, участников эпизода на трассе. Вы ведь всех поименно знаете?

– А... зачем? – Констебль заколебался.

– Затем, что свидетельские показания. – Мартин положил поверх листа бумаги шариковую ручку. – Я должен услышать от очевидцев, что именно там произошло.

Констебль нервно кивнул, взял ручку и молча начал писать. Почерк у него был неожиданно крупный и правильный, как у старательной третьеклассницы. Эгле, прищурившись, разглядывала его сквозь сигаретный дым.

Видно было, что ее взгляд страшно мешает бедолаге. Тот ерзал, пыхтел, но не решался прямо на нее посмотреть; нет, тогда на площади, с разъяренной толпой, с кровью на брусчатке и хриплым ревом из мегафона, в момент самосуда – констебля на площади не было. Трус; впрочем, в селении Тышка у него нет ни авторитета, ни сколь-нибудь значимой власти. Он расследует похищения кур.

– Вот. – Констебль вернул бумагу Мартину. Тот мельком просмотрел список:

– Семеро. Где восьмой?

– А, – констебль запнулся. – Да, еще сын Василя Заяца там был... Пацан совсем... они чудом уцелели, говорю же...

Он дописал восьмую строчку. Мартин кивнул:

– Отлично. Теперь, пожалуйста, я хотел бы познакомиться с делом, которое вы завели по факту убийства, совершенного в поселке неделю назад.

– Убийства?! – Констебль вскинулся. – У нас мирный поселок, дыра, хе-хе... Вам, конечно, глядя из Вижны, представляется, что дыра... у нас нет убийств, давно... несчастный случай был, девушка упала с лестницы...

– Эта девушка?

Мартин выложил на стол крупную фотографию тела на прозекторском столе; констебль глянул – и поспешно отвел глаза. Его круглые щеки сделались серыми.

– Эта? Вы точно помните? – Мартин выкладывал одно фото за другим, скоро весь стол оказался покрыт жуткими снимками. – Упала с лестницы? Точно? А в этом ракурсе?

Констебль задергался, будто на сковородке:

– Несчастный случай...

– Вряд ли счастливый. – Мартин выложил поверх снимков канцелярский документ. – По моему запросу тело было заново освидетельствовано, вот результат экспертизы – подлинный, а не тот, что вы нарисовали на коленке. Вы понимаете, констебль, что вы подставили коллег? Начальство? Думаете, вас будут покрывать?

И Мартин улыбнулся так, будто за спиной у него стояли комиссары всех провинций во главе с министром общественного порядка из Вижны и все смотрели на констебля, как на обгадившуюся собачонку. Эгле одобрительно кивну-

ла.

– Я не понимаю, – пролепетал констебль, – чего вы от меня хотите... куратор. Я полагал, что Инквизиция занимается ведьмами...

– Погибшая была неинициированной ведьмой и состояла на учете. Ее насмерть забили камнями на центральной площади. Вы не сочли нужным открыть уголовное производство.

Констебль не знал, куда ему смотреть: его взгляд отталкивался от страшных снимков, ненадолго застревал на канцелярском документе, пускался блуждать по комнате, избегая Мартина, в ужасе шарахаясь от Эгле. В глазах отражалась страшная внутренняя работа: констебль пытался понять, не припрятан ли у Мартина в папке приказ о его отстранении или, того хуже, аресте.

– Там ведь было много людей, – мягко сказал Мартин. – Столько свидетелей... если начать их допрашивать, думаете, никто не проговорится? Никто не испугается, не захочет сотрудничать со следствием?

– Но... Вы же сами говорите, что людей было много! – Констебль наконец-то выбрал линию защиты. – Кого обвинять?! Сто человек? Кто бросал камень, кто не бросал... Кто в голову, кто в ногу... Как вы это определите? В конце концов, была же причина! Люди столько пережили! Где была Инквизиция, когда мы задыхались от дыма?! Где была Инквизиция, когда ведьмы издевались над нами, когда наших

соседей чуть не убили рядом с родным поселком?!

Риторические вопросы придали ему сил, он ощутил себя борцом за правду и перешел в наступление:

– Где Инквизиция, я вас спрашиваю?! Люди защищают себя сами! Это самооборона! Если Инквизиция ничего не делает, если ведьмы творят что хотят, нам что, сидеть и ждать, пока нас подожгут в наших постелях?! Да? Этого вы хотите?!

– Ждите инспекцию из района, – небрежно сказал Мартин. – Завтра... или уже сегодня. И хорошо бы к тому времени дело об убийстве нашлось, а убийцам были вручены подозрения.

– Кому, сотне человек?!

– Восьмерым, – Мартин показал ему листок со списком. – Слова «Новая Инквизиция» вам что-нибудь говорят?

– Нет, – быстро сказал констебль. – Это потерпевшие, а не...

Он запнулся, быстро соображая, и на лбу у него каплями выступил пот. Он импульсивно приподнялся, потянулся, будто пытаясь отобрать у Мартина список; Мартин отвел руку. Констебль сдался, рухнул обратно на стул:

– Это потерпевшие. Ведьма напала на них. Послушайте, куратор...

– Я вам напомню, – сказал Мартин. – «Новая Инквизиция» – это когда люди, не имеющие к подлинной Инквизиции никакого отношения, устраивают самосуды над женщи-

нами... над «глухими» ведьмами. Когда я говорю «глухими», я не имею в виду проблемы со слухом. Неинициированные ведьмы, они же «глухарки», не могут совершать то, в чем вы их обвиняете, они ничем не отличаются от обычных людей. Убитая, – он кивнул на фотографии, от которых констебль старательно отводил глаза, – не была инициирована и не совершала преступлений. Ее замучили без суда и без вины. Инквизиция считает своим долгом искоренять самосуды.

Он неторопливо поднялся, подошел к офисной копировальной машине у стены, открыл крышку, положил список с восемью фамилиями на стекло:

– А у вас есть выбор, констебль. – Теперь он говорил совсем другим голосом, мягко, почти по-дружески. – Вы еще можете оказаться в этом деле моим союзником, а не врагом. Или хотите все-таки врагом?

Констебль содрогнулся и мотнул головой, показывая, насколько такая мысль ему невыносима.

– Хорошо... Сколько мест у вас в следственном изоляторе?

– Где?! – Констебль выпучил глаза.

– За решеткой, где пойманные преступники ждут конвоя в город!

– Много, – растерянно сказал констебль. – Но в последний раз это было год назад, когда на базаре взяли вора-гастроле-ра...

– Поздравляю, сегодня у вас полно работы, – сказал Мартин. – Начнем с Василя Заяца, улица Фабричная, дом шесть.

– В чем он виноват? – Голос констебля неприлично дрогнул. – Он никого не убивал... это его чуть не убили!

Эгле приподняла уголки губ. Констебль дернулся, будто его ткнули иголкой, и наконец-то взглянул на нее.

В его глазах появился настоящий ужас. Он хотел спросить о чем-то, но не посмел.

* * *

Василь Заяц работал на сыроварне менеджером и должен был вернуться домой к пяти; уже стемнело. Снег прекратился, и небо потихоньку очищалось. Горы вокруг стояли как призраки – Эгле могла их видеть в темноте.

– Поедете с нами, – сообщил Мартин констеблю.

– Я лучше пешком. Здесь недалеко, я привычный...

– Садитесь в машину, – сказала Эгле. Это были ее первые слова с момента прибытия.

Констебль больше не сопротивлялся. Мартин открыл дверцу черного автомобиля, констебль покорно залез внутрь.

– Можешь за руль? – негромко спросил Мартин у Эгле.

Она мельком подумала, что действующая ведьма за рулем инквизиторской машины – вызов существующему миропо-
рядку. Но, если говорить честно, каждая минута ее жизни

теперь была вызовом.

Мартин сел на заднее сиденье рядом с констеблем. Эгле завела мотор; машина, как живое существо, повиновалась ей, но нехотя, будто против воли. Селение Тышка казалось тихим и добрым в этот час, над крышами поднимались живописные, как в сказке, думы.

– Если Инквизиция теперь в сговоре с ведьмами, – прошептал констебль, – нам не на что надеяться. Нам конец.

– Личный вопрос, дядюшка, – небрежно сказал Мартин. – Вы знаете, что эти восемь человек делали на трассе? Кого они там собирались казнить?

Констебль молчал.

– Он знает. – Эгле поймала взгляд Мартина в зеркале.

– Не собирались казнить, – пролепетал констебль. – Это...

Он запнулся и снова затих.

– Игра? – подсказал Мартин. – Ритуал? Имитация?

– Д-да...

– Он сам пытается в это верить, – сказала Эгле.

– У нее ведь все хорошо, – проскулил констебль. – У Ивги. Она даже... не ступила на родной порог... не подошла к дому... мне потом сказали, что она здесь была... У нее все хорошо... она с герцогом пьет вино на приемах... Ведьма...

– Все хорошо, – со странной усмешкой сказал Мартин. – Эгле, не разгоняйся. Дом номер шесть – вот этот, с резным забором.

– Верховная Инквизиция Одницы... тьфу, Ридны. Откройте, пожалуйста.

На пороге стояла невысокая женщина лет сорока, с бледным изможденным лицом, напуганная. Слово «инквизиция» вогнало ее в панику, хотя ведьмой она вовсе не была. Женщина казалась больше заложницей, нежели соучастницей. Пленницей, запертой в этих стенах, в этой семье, в этой жизни.

– Все нормально. – Эгле улыбнулась. – Куратор опрашивает свидетелей по делу о ведьме... о ведьмах. Мы можем войти?

Женщина молча отступила в глубь прихожей; Мартин придержал Эгле за руку и вошел первым. Огляделся. Его ноздри раздувались: он чуял нечто, недоступное Эгле. У инквизитора и действующей ведьмы разные спектры восприятия; она ощущала, как с каждым мгновением усиливается поток холода, идущий от него.

Она поймала взгляд Мартина, пытаясь выяснить, что происходит и где источник опасности. Он еле заметно покачал головой, давая понять, что контролирует ситуацию. Заглянул ей в глаза, определяя, как Эгле себя чувствует; она приподняла уголки губ, уверяя, что все в порядке, хотя находиться с ним рядом было сейчас непросто.

– Господин Васил Заяц дома? – спросил Мартин.

– Да, – еле слышно ответила женщина.

– А ваш сын, Михель?

– И он тоже...

– Отлично, – сказал Мартин.

Эгле переступила порог вслед за ним, и последним вошел констебль. Тот старательно избегал смотреть на хозяйку и вообще держался так, будто оказался здесь совсем случайно.

Дом был старый, добротный, помнивший несколько поколений. Ощутимо пахло нафталином – старинным средством от моли, и борьба с молью здесь имела смысл: на полу лежали полосатые шерстяные дорожки, и почти такие же, тканые из грубой шерсти, покрывали стены. Под потолком гостиной висела хрустальная люстра со множеством подвесок, Эгле давно забыла, что такие существуют. В прихожей имелась низкая дверь в подвал, напротив у стены стоял кованый сундук, похожий на реквизит к историческому фильму.

Эгле прищурилась; она бы не смогла описать, чем именно привлек ее сундук, что она чувствует, глядя на него. Звук, запах, свет? Ничего подобного. Похоже на отвращение непонятной природы. Отвращение и страх...

Она бросила выразительный взгляд на Мартина. Тот обернулся к щуплой женщине:

– Хозяйка, будьте добры, откройте сундук.

– Зачем?!

Мартин посмотрел на констебля. Тот дрожащей рукой

протянул женщине бумагу с печатью. Женщина глянула, как на чистый лист, будто внезапно разучившись читать.

– Открывайте, – сказал Мартин, и в его голосе прозвучала жесть. Эгле подобралась: ну с этой-то бедолагой он мог бы обращаться помягче?!

Женщина больше не возражала. Она вообще не привыкла возражать. Эгле смотрела на нее с болью – как на медведицу в бродячем цирке, с железным ошейником на цепи.

Поднялась крышка – сундук был полон тряпья, сверху лежало пожелтевшее от времени постельное белье.

– Эй, что тут вообще творится?!

Наконец-то появился хозяин дома – Эгле отлично помнила его. Васил Заяц, как выяснилось. Менеджер. Все его внимание было приковано к Мартину, на Эгле он поначалу внимания не обратил.

– Констебль! Эй, Лис, что происходит?!

Мартин даже не повернул головы, он смотрел на женщину:

– Вещи сверху уберите, пожалуйста.

Покорно, как загипнотизированная, хозяйка взяла в охапку старые наволочки, льняные простыни; под белой тканью пряталась черная: вымпелы и нарукавные повязки с красными буквами. «Новая Инквизиция». Эгле почувствовала тошноту.

– Что тут... – начал Васил Заяц и осекся.

– Это ваши вещи? – Мартин наконец-то посмотрел на

него. – Да? Нет?

– А ты кто такой?!

Мартин вытащил жетон с проблесковым маяком:

– Верховная Инквизиция Ридны, куратор Мартин Старж...

– Старж?! – Заяц переменился в лице и попятился, глядя на Мартина, как на привидение.

– Это ваши вещи? – повторил Мартин.

– Нет, – пробормотал менеджер. – А... что такое, это же всего лишь тряпки?!

Из глубины дома показался юноша – в майке и спортивных штанах, в войлочных домашних тапках. Ему было не больше двадцати, и на прыщавом лице застыл такой ужас, как если бы он ждал этой минуты много дней и боялся ее.

– Это не просто тряпки, – сказал Мартин. – Это доказательство вашего участия в преступной организации. Что здесь написано, читать умеете?

– Что угодно можно написать. – Под его взглядом Менеджер чуть побледнел. – И это не мое, это я... нашел на свалке, взял для переработки... Знать не знаю...

Эгле потянула носом:

– Ящик стола. Верхний.

Менеджер наконец-то посмотрел на нее – и тут же узнал. Глаза его расширились:

– Ведьма!

– Да вы что, – пробормотал Мартин с тяжелым сарказ-

мом. — Да не может быть.

— Это ведьма. — Менеджер обернулся к констеблю. — Кого ты ко мне привел?!

— Они сами пришли, — пролепетал констебль. — Я ничего не мог...

— Я здесь инквизитор, — холодно сказал Мартин, — и я решаю, кто ведьма, а кто нет... — Он остановился у письменного стола, снова посмотрел на женщину: — Откройте, пожалуйста.

— Я не знаю, где ключ, — прошептала она, бросив испуганный взгляд на мужа.

— Эгле, — на хозяина Мартин даже не посмотрел, — помоги нам, пожалуйста.

Эгле подошла вдоль стены, стараясь не ступать мокрыми ботинками на тканый ковер, протянула руку и безо всяких спецэффектов, чтобы никого не шокировать, открыла ящик. Со стороны могло бы показаться, что он просто не был заперт, — но Эгле знала, что замок был, и хозяин тоже об этом знал.

— Это ведьма! Она...

— Это свидетель, — сухо сказал Мартин. — Она дала показания против вас. И повторит в суде.

Менеджер хватал воздух ртом:

— Нет таких законов... чтобы ведьмам давать показания...

— Будут. — Мартин кивнул с притворным сочувствием. — Эгле, что там?

Ящик стола был пуст, если не считать единственной флешки, красной, пластиковой. Эгле поняла, что ей противно ее касаться, что она никогда не возьмет это в руки. Там, на флешке, первый ролик «Новой Инквизиции», слитый в сеть и породивший затем подражателей: четверо ублюдков издеваются над девушкой, неинициированной ведьмой, и потом поджигают дом, и все это под закадровый текст: «Инквизиция умерла. Великая традиция борьбы, охоты, наказания – все в прошлом. Это сделали вы, ведьмы, вы растлили Инквизицию, вы разложили ее изнутри... Но рано радоваться... Ведьма, знай, что тебя ждет твой костер. Ты язва, ты проклятие, мы Новая Инквизиция. Мы придем за тобой...»

Мартин натянул резиновую перчатку, взял флешку двумя пальцами:

– Господин Заяц, вы знаете, что за информация записана на этом носителе?

Менеджер не ответил. Юноша стоял в дверном проеме, будто не решаясь войти в комнату, на лбу у него блестел пот. Констебль жалобно оскалился: он понял, что это за ролик, он тоже его видел в свое время: «Ты зло, ты грязь, наказание будет суровым».

– Лис! – Менеджер обернулся к констеблю и заговорил хриплым шепотом: – Он не инквизитор! Он сын ведьмы, он с ними в сговоре! «Инквизиция умерла» – это про него! То самое, против чего мы боролись... язва! Скверна! Не слушай его, просто не слушай, не бойся. Ведьму надо сжечь – ради

наших детей!

– Чистосердечное признание? – Мартин ухмыльнулся. – Продолжайте, пожалуйста. Сколько ведьм вы с сообщниками уже убили?

Менеджер терял почву под ногами. Взглядом искал поддержки констебля – тот отводил глаза. Парень в дверях казался моложе своих лет – растерянным школьником. Эгле поймала взгляд женщины: вжавшись спиной в стену, та смотрела с ужасом и почему-то с надеждой.

– Берите бумагу, Васил Заяц, – тяжело сказал Мартин, – и пишите явку с повинной, суд учтет как смягчающее обстоятельство. И вы, юноша, – он перевел взгляд на парня в дверях, – тоже пишите. Вы совершеннолетний?

Заяц-младший дернул головой, изображая кивок.

– Отлично, – сказал Мартин. – Убийство группой лиц по предварительному сговору...

– Сговора не было, – прошептал парень.

– Тогда пишите то, что было, – легко согласился Мартин. – Дать вам бумагу? Или у вас есть?

Он протянул флешку констеблю:

– Посмотрите в участке, но обязательно убедитесь, что рядом нет ни детей, ни людей с уязвимой психикой... Впрочем, вы же видели, да? И как вам?

– Это ролик из сети, – лихорадочно забормотал Заяц. – Он ничего не доказывает. Это наше дело, наш поселок... Мы просто не хотим здесь ведьм! Мы имеем право!

– Констебль, – мягко напомнил Мартин. – Вы всего лишь выполняете свой долг. Свой долг. Понимаете?

Он встретился с констеблем глазами. Тот обреченно мигнул.

– Инквизиция держит дело на контроле. – Мартин улыбнулся. – Вы либо стоите на страже закона... либо соучастник. Ваш выбор?

– Вы задержаны, – трясущимся голосом сказал констебль хозяину дома.

– Это ролик из сети! – надрывался Заяц. – Это сделали не мы!

– Вот это сделали вы. – Мартин ткнул ему под нос фотографию тела на прозекторском столе. – И вот это – тоже сделали вы...

Он подержал у него перед глазами распечатанное фото: Ивга Старж, прикованная к дереву, в окружении вязанок хвороста, с табличкой на груди: «Новая Инквизиция». У Василя Заяца застыло лицо. Мартин убрал фотографию.

В машине куратора округа Ридна среди прочего оборудования имелся портативный принтер. Мартин не собирался давать ход этим кадрам, но освежить мерзавцу память считал необходимым.

* * *

На запястьях Василя Заяца защелкнулись наручники.

Констебль избегал смотреть на задержанного; эти двое много лет были приятелями и соседями, констебль никогда бы не решился на такой шаг, если бы не Мартин, стоящий у него за спиной. Мальчишка по-прежнему маячил в двери, вцепившись тонкими пальцами в дверной косяк, – этот, по крайней мере, признавал вину. Женщина, с глазами на все лицо, забившись в угол, обмерла, будто заживо замороженная в лед.

– Март, – одними губами сказала Эгле.

Вместе они вышли в прихожую.

– Мы можем не забирать мальчишку? – прошептала Эгле. – Вывести его... из списка? Он щенок, под чужим влиянием... Ты посмотри на его мать...

Лицо Мартина сделалось чужим. Эгле испугалась.

– Ну-ка, идем, – сказал он сквозь зубы.

Он вернулся в комнату и шагнул прямо к женщине, съевшейся в углу:

– Откройте дверь в подвал, пожалуйста. Или вы снова не знаете, где ключ?!

Двигаясь, как марионетка, женщина подошла к низкой двери, выкрашенной во много слоев зеленой масляной краски, и без слов ее отперла. Эгле почувствовала застоявшийся запах – сырость, человеческий пот, деревенский сортир; вниз вела крутая лестница, и под ней горел свет, тусклая лампочка на голом проводе. В подвале, сыром и тесном, стояла железная кровать, занимая почти все пространство. На кровати, забившись с ногами, сидела девушка лет шестнадцати,

в вязаной кофте поверх ночной рубашки, напуганная до полусмерти.

Эгле перевела взгляд на хозяйку дома, будто впервые ее видела. Констебль выпучил глаза:

– Васил! Ты же говорил, она в училище, в городе?!

– Документы на дочку, – глухо сказал Мартин. – Быстро.

Женщина, с неживым лицом, открыла другой ящик письменного стола и вытащила из груды бумаг новенький паспорт. Понесла, уронила, подняла; Мартин выхватил паспорт из ее рук.

– Незаконное удержание. Пренебрежение родительскими обязанностями... Констебль, вы понимаете, что никто ничего не забудет, никто не спустит на тормозах, за это будет дополнительный приговор?!

Мартин, оказывается, с первой минуты чувствовал здесь «глухую» ведьму и знал, что происходит. Вот почему он был так жесток с хозяйкой. Вот почему от него тянуло таким космическим льдом.

Констебль, потрясенный и жалкий, защелкнул наручники на запястьях юноши. Тот переступил на полу войлочными тапками; он был неуклюжий, растерянный, совсем еще подросток, но Эгле сделалось противно на него смотреть.

Девушка в подвале тихо заплакала.

– Все хорошо. – Эгле спустилась на две ступеньки по лестнице, она не могла себя заставить идти дальше, это место наводило на нее жуть. – Все нормально, я тоже ведьма, а он

инквизитор, ты чувствуешь, как от него несет холодом, да? Это скоро пройдет, он не желает тебе зла, он на самом деле очень добрый. Как тебя зовут?

Девушка молчала, зажмурившись, обхватив себя за плечи.

– Лара ее зовут, – сказал Мартин за спиной Эгле. – Лара Заяц, шестнадцать лет... Я пробую ее по базе, а ты пока сделай так, чтобы она собралась и оделась.

– Куда?! – беззвучно прошептала хозяйка.

– Вам-то какая разница, – сухо отозвался Мартин. – Туда, где ее не будут держать в погребе.

Отец и сын неуклюже обувались в прихожей – в наручниках; констебль стоял рядом, держа в руках телефон и мучительно вспоминая, для чего нужна эта вещь. Мартин вышел из дома, ни на кого не глядя, и хозяйка, постояв секунду, бросилась за ним – как была, в домашних тапочках.

– Лара, – сказала Эгле и заставила себя опуститься еще на одну ступеньку. – Одевайся. Поедешь с нами. Ты где-то учишься? Училась?

Девушка плакала.

* * *

Выйдя на улицу, Мартин несколько раз вдохнул и выдохнул. Чистый холодный воздух пахнул хвоей и немного дымом, это был запах зимних каникул, интригующий и беспеч-

ный. После провонявшего смертью дома воздух был как нектар.

Мир полон зла, и главное зло, конечно, не ведьмы. Мартин вышел из дома под надуманным предлогом – он сказал: «Я пробью ее по базе». Пробить-то он пробьет, компьютер рядом, в машине. Но на самом деле он просто хотел выбраться из-под этой крыши хоть на пару минут.

Белые горы стояли вокруг, на прояснившемся небе горели звезды, их было больше, чем Мартин мог себе представить. Он привык к небу Одницы, вечно залитому светом и оттого почти беззвездному. В Однице он знал бы, куда везти девочку, в Ридне – пока что не имел понятия. Ничего; лишь бы вывезти ее отсюда. Состоит ли на учете – плевать. Лишь бы вытащить.

Он поймал себя на мысли, что в прежние времена отец бы уже дозвонился, уже задергался бы в кармане телефон, и отец спросил бы сварливо: «Что у тебя?» Но времена изменились, Мартину дорого стоила его независимость. Слова «не смей меня контролировать» сказаны, услышаны, отец сам установил дистанцию между ними, сам аккуратно ее соблюдает и никогда не позвонит первым. Все проблемы проклятой Ридны с жутким селением Тышка придется решать Мартину, не полагаясь ни на чьи советы, и он справится, конечно, только вот мучают фантомные боли на месте разорванной связи...

Хлопнула дверь; в полумраке двора вдогонку Мартину

бросилась шуплая тень:

– Пощадите... она не виновата! Всю семью под нож... в один день... всю семью...

Она грохнулась на колени – в мокрый снег.

– Девочка вернется домой через пару дней, – холодно сказал Мартин. – Если захочет, конечно. И вставайте, что за драматический театр?

Он обошел ее; всего-то надо было пройти два десятка шагов до машины. Мартин вытащил из кармана пачку сигарет. Женщина заметалась за его спиной, куда-то побежала, постанывая, бормоча под нос, не то умолая, не то ругаясь. Мартин надеялся, что она вернется в дом и у него будет пара минут, чтобы побыть одному.

Он шагнул в створку открытых ворот. На секунду остановился, еще раз поглядел на звездное небо, щелкнул зажигалкой; какие все-таки звезды в этих горах. Однажды они с Эгле заберутся куда-нибудь на лыжную базу, проведут неделю вдвоем, и каждую ночь...

За спиной гроыхнуло, будто взрывом, и сразу же второй раз. Мартин ступил вперед, выронил зажигалку и повалился на снег.

* * *

Эгле выскочила на звук выстрелов. Посреди двора валялась дымящаяся двустволка. Мартин лежал в воротах.

Ударил в лицо воздух; Эгле неслась, как никогда в жизни, и никак не могла добежать, хотя до человека на снегу было несколько десятков шагов. Блеснули в свете дальнего фонаря две большие гильзы – что за чудовищный калибр?!

– Март!

Снег вокруг темнел и подтаивал.

* * *

Дворец Инквизиции в Вижне был увешан траурными флагами. «Ведьмину ночь» здесь не скоро забудут.

Клавдий вынужден был много, долго и подробно объяснять, выступать перед телекамерами, встречаться с родственниками потерпевших, выходить к митингующим. Любой ценой он должен был переплавить их ужас и горе в осознание победы и преуспел: любой школьник в Вижне мог перечислить имена погибших инквизиторов на память и знал, что это имена спасителей города и мира. Даже сгоревший оперный театр Клавдий ухитрился сделать символом подвига: был объявлен сбор средств на восстановление, и герцог лично пожертвовал значительную сумму.

Действующие ведьмы из тех, что выжили, затаились, будто сами себя испугавшись. «Глухие», даже те, что сбежали из спецприемника, массово приходили сдаваться. Клавдий, вместо того чтобы ужесточить кодекс о неинициированных ведьмах, смягчил его, демонстрируя, что кризис преодолен

навсегда и никто больше не должен бояться и страдать.

Имена погибших ведьм на память никто не учил. Пятьдесят девять человек были инициированы и убиты за одну ночь. Клавдий хранил список в своем телефоне; он знал, что эти женщины – тоже жертвы, и, перечитывая их имена, всякой раз спрашивал себя, можно ли было предотвратить то, что случилось, и всякий раз отвечал: нет. Мир устроен так, как устроен; перечитав список снова, он опять начинал сомневаться.

Ему не хватало времени, проведенного с Ивгой. Он не хотел бы оставлять ее ни на минуту, но часы летели как бешеные, список неотложных мероприятий, составленный референтом, предполагал два-три дела одновременно, и снова наступала ночь, и Клавдий обнаруживал себя в кабинете во Дворце Инквизиции, увешанном траурными флагами, и снова звонил телефон...

Он поднял трубку. Звонила Соня из Альтицы – по закрытому каналу для кураторов. Клавдий мельком взглянул на часы: рабочий день давно закончен.

– Да погибнет скверна, – сказала Соня низким хрипловатым голосом, и Клавдий понял, что она волнуется. – Патрон, я в Вижне по личному делу. Мы можем... встретиться неофициально?

– Конечно, – сказал Клавдий. – Где бы вы предпочли?

Кураторы не часто искали с ним тайных сепаратных встреч, но и не очень редко. Он попытался вспомнить, не

прилетало ли из Альтицы тревожных сигналов, – и не смог; в последние дни он думал только о Вижне, иногда отвлекаясь на Ридну, – он знал, что Мартин взялся там за дело жестко и эффективно.

– У вас в машине, – сказала Соня. – Если это удобно.

Ого, подумал Клавдий. От кого она прячется, что и от кого скрывает?

Он потратил секунду, чтобы вспомнить, на чем приехал во Дворец сегодня утром. Служебный автомобиль был нужен ему, чтобы работать в дороге, но раз в несколько дней он обязательно садился за руль своей машины, чтобы расслабиться и отдохнуть, это действовало на него умиротворяюще.

– Удобно, – сказал он после паузы. – Куда мне подъехать?

* * *

Она села в его машину у бокового выхода из гостиницы «Старая Вижна», далеко не самой роскошной в столице. Соня была экономна и, видимо, действительно приехала по личным делам. Клавдий не сразу ее узнал: теплая куртка делала массивную фигуру Сони еще монументальнее, лыжные штаны и тяжелые ботинки довершали образ сельской почтальонши, с утра до ночи колесящей по проселочным дорогам. Впрочем, Соня из Альтицы примерно так и проводила рабочее время: ее подконтрольные ведьмы были рассеяны на огромной территории, среди полей и лугов, ферм, хуторов и

местечек.

– Да погибнет скверна, – отдуваясь, она с трудом застегнула пассажирский ремень. – Мне ужасно неловко, что я... вот так странно себя веду. Вы знаете, как я вас уважаю, па-
трон...

Клавдий понял, что разговор предстоит тяжелее, чем он опасался.

Горели дорожные фонари, рекламные щиты светились
вполнакала. На углах зданий неподвижно висели траурные
флаги – безветрие. Штиль. Редкие срывающиеся снежинки.

– Вам удобно говорить за рулем? – после паузы спросила
Соня. – Может быть, мы где-нибудь остановимся?

– Мне совершенно удобно, – сказал Клавдий, уже готовый
к любой катастрофе, которую она с собой привезла. – Пожа-
луйста, я слушаю.

– Вчера мне звонил герцог, – сказала Соня. – Видимо, не
только мне. С условием, чтобы я не посвящала вас в содер-
жание разговора.

Клавдий сжал зубы. Испокон веков государственная
власть не имела права вмешиваться в дела Инквизиции, но
вечно тянула руки – с переменным успехом; звонок курато-
ру через голову Великого Инквизитора был негласным объ-
явлением войны.

– Я очень ценю ваш выбор, – сказал Клавдий с подчерк-
нутой кротостью. – Уверяю вас: я полезнее герцога. И лучше
помню оказанные услуги.

Она ухмыльнулась, расстегнула куртку, борясь одновременно с молнией и с пассажирским ремнем.

– Его интересовало мое мнение по поводу последних кадровых перестановок...

– Это не его дело, – не удержался Клавдий. – Его сиятельство окончательно потерял представление о реальности.

– Согласна, – Соня кивнула. – Но все гораздо серьезнее. Он расспрашивал меня об экспериментах с инициацией, которые якобы проводила ваша жена, и о действующей ведьме, которую Мартин привез с собой в Ридну...

Сзади взвыли сигналами сразу несколько машин: Клавдий очень неудачно перестроился в правый ряд.

– И кто же такой умный, что вовлекает государственную власть в отношения внутри Инквизиции, – пробормотал он сквозь зубы. – И кто такой одаренный, что хочет видеть меня своим врагом?!

– Я искренне удивилась, – тихо продолжала Соня, – так искренне, что он, кажется, пожалел, что завел со мной разговор... Я думаю, он прекрасно понял, что следующим моим собеседником будете вы.

– Вы ему льстите, он совершенно не так проницателен. – Клавдий выбрал место у тротуара, остановил машину и включил аварийную сигнализацию. – Вы сказали, он звонил не только вам? Это предположение или есть факты?

– Предположение, – медленно сказала Соня. – Но твердое. Возможно, он обзванивал всех кураторов... Или будет

обзванивать в ближайшее время.

Щелкали, включаясь и выключаясь, аварийные огни.

– Ладно, – сказал Клавдий после паузы. – Экспериментов с инициацией не было. Исследования – были. Что касается той действующей ведьмы... это единственное в мире существо подобной природы, результат мутации, которую вряд ли получится повторить. Она исключение из правил, и я признаю, что ее надо легализовать... не только в Ридне, где Мартин просто поставил всех перед фактом... У вас ведь есть источники в Ридне, так? Вы узнали о ней раньше, чем позвонил герцог?

Соня, помедлив, кивнула:

– Я не поверила, если честно. Я не верю, что такое возможно.

– Соня, – сказал Клавдий, глядя в пространство, – знаю, вы отдали Альтице почти восемь лет. Вы привязались душой к этому округу, вы не хотели бы его ни на что менять?

– Очень трудно, – сказала она, передернув плечами, – привязаться душой к Альтице. Да, это мой округ, я там выросла... Но бесконечные грязные дороги сведут меня с ума.

– Есть позиция в Однице, – сказал Клавдий. – Море, солнце. Но не могу сказать, что это легкий округ.

– Почла бы за честь, – тихо проговорила Соня. – Вы знаете, в последнее время мы конфликтовали с Мартином, тем не менее я высоко ценю то, чего он добился в Однице. Это нелегкий округ, но это чистый округ. Без застарелых про-

блем.

– Девушку зовут Эгле Север, – сказал Клавдий. – Мы еще вернемся к этому разговору.

* * *

Дверь в дом стояла нараспашку, ледяной вечерний воздух заливался внутрь. Снаружи ползал по снегу луч фонарика, выхватывая из темноты то мертвого человека в проеме ворот, то брошенную двустволку, то ярко-сиреневую куртку женщины, сгорбившейся над телом.

Констебль потушил фонарик и вернулся в дом. Прикрыл дверь, сберегая тепло.

Васил Заяц, скованный наручниками, с бледным мокрым лицом, сидел на краю сундука. Вопросительно посмотрел на констебля, тот перевел дыхание:

– Дыра в спине – можно кулак просунуть...

– Хорошая пушка, – хозяин дома ухмыльнулся. – На медведя сгодится.

– Конец мне, – с тоской сказал констебль. – И тебе конец, и Ксане твоей, ты же не знаешь, кто это был и чей он сын...

– Знаю, – прошептал хозяин дома. – Еще как знаю... Не трясись, Лис, ты не того боишься. Он сдох. Инквизиция сюда не дотянется... Завали сейчас же ведьму. Пока она не очухалась и не убила нас всех.

Дверь в подвал по-прежнему была открыта, внизу еле

слышно плакала девушка.

– Что же ты так с дочкой-то, – пробормотал констебль.

– Ведьмы. – Глаза хозяина нехорошо блеснули. – Дрянь, скверна, беда ходячая... Ксана на стороне ее прижила, не моя кровь... Сними! – он требовательно протянул скованные руки.

Констебль не двинулся с места.

– Очнись, Лис! – Хозяин дома говорил оглушительным шепотом. – Тебе здесь жить... у тебя семья, внуки... ты же сосед, мы свои... Скинем их с обрыва в озеро, вместе с машиной. Пусть потом ищут. Лед на трассе... Сколько таких случаев...

Констебль сглотнул, ни на что не решаясь, но уже зная, что решиться придется.

* * *

«Почини», – сказал Мартин.

Одна пуля проломила ребро у основания, другая вошла в позвоночник. Мартин лежал ничком, Эгле стояла над ним на коленях, время текло вместе с кровью на снег.

Селение Тышка сомкнулось вокруг – капканом. Каменным мешком. Поселок-убийца, поселок-кошмар. Весь долгий путь по горным склонам был дорогой на дно, во тьму, в смерть. «Почини», – сказал Мартин, но Эгле чувствовала свою невесильность как проклятие. Мир полон зла. Чуда не

будет.

Тускло поблескивал снег – матовое зеркало, и по нему бродили искры, будто что-то желая показать ей, подталкивая, подсказывая; Эгле посмотрела на свои ладони, покрытые кровью Мартина. И потом, словно оттолкнувшись от них взглядом, посмотрела вверх.

Над темными горами висели звезды – так много она никогда не видела. Ни разу в жизни; они были цветные. Бирюзовые, розовые, опаловые, изумрудные, желтые, синие, красные. Они смотрели на Эгле миллионами глаз – острых, хищных, печальных, насмешливых. Эгле показалось, что она волчица и, если завоет, – дыханием коснется неба.

Горячий воздух подступил к ее горлу. Эгле потянулась вверх, достигла звезд и зачерпнула, закрутила водоворотом, смешала, дернула на себя. Небо помутилось, звезды слиплись в единую массу, густую, как тесто, наполнили ладони и хлынули в Мартина – в развороченное мясо, в переломанные кости, в разорванные артерии.

Кусок свинца впился в ладонь – сплюснутая пуля. И еще одна, раздавленная о его позвоночник. Две смятые пули покатались на землю, звезды падали, как вертикальный столб света, пот заливал глаза, кровь Мартина заливала снег...

Дверь дома открылась. На пороге стоял человек, полный страха и заряженный смертью.

Васил Заяц просто боролся за свою жизнь.

Не суд его пугал и не приговор. Не долгий срок, который, скорее всего, получит его жена за убийство младшего Старжа; не судьба сына, который теперь сядет, а ведь собирался жениться весной. Не участь дочери-ведьмы... ее-то, пожалуй, стерва и пощадит, единственную. Он хорошо помнил, как подхватывает человека вихрь, как потом роняет на дорогу. Чуть выше подкинуть – костей не соберешь.

Жена взяла двустволку из сарая. Но, кроме двустволки, хранился еще карабин в доме. Васил Заяц был охотником с отрочества и предпочитал крупную дичь.

Ведьма стояла на коленях над трупом инквизитора. Казалось, она воет, как волчица, только вместо воя расстилалась жуткая тишина, а вокруг – Заяц разинул рот – вокруг совсем не было снега, как если бы ведьма растопила его в радиусе пяти шагов или разметала, будто взрывом.

Инстинкт велел ему бежать, уносить ноги, но Васил Заяц понимал, что далеко не убежит. Нет; он должен встать и посмотреть своей смерти в лицо, а потом поднять карабин, упереть в плечо и не промахнуться, потому что выстрел будет только один.

* * *

Тот, кто стоял на пороге, источал теперь азарт: так бывает, что жертва становится охотником. Эгле знала, что, если обернется и посмотрит на свою смерть и оставит Мартина одного на долю секунды, — все будет напрасно, Мартин никогда не поднимается с талого снега. Она должна закончить работу до того, как человек на пороге выстрелит.

Она шарила ладонями в ледяной космической пустоте: последние цветные огни пытались спрятаться, закатившись за облако. Звезд не хватало. Мартин не дышал. Эгле с каждой секундой все безнадежнее понимала, что опоздала, что взялась за непосильный труд, что надорвалась и сейчас потеряет сознание, и тогда эти люди ее добьют.

Темнело небо. Сгущались тучи. Не осталось ни одной звезды...

* * *

Васил Заяц прежде никогда не стрелял в людей. Одно дело — забить камнями беспомощную «глухую» ведьму, на первый взгляд неотличимую от обычной девушки. Другое дело — стрелять в действующую; Васил Заяц не имел понятия о том, что из десяти пуль, выпущенных в ведьму, две попада-

ют в цель, семь или восемь – в свидетелей, но если стрелку не повезет и он изберет мишенью по-настоящему мощную флаг-ведьму – пуля к нему вернется.

Грохнул выстрел из охотничьего карабина.

* * *

Человек на крыльце перестал существовать вместе со страхом, яростью и азартом. Звук выстрела был как прикосновение бича, Эгле почувствовала мгновенную боль – но и толчок, который подстегнул ее, прояснил сознание и добавил сил. Она потянулась, хватая последние звезды в прорехах туч, выдаивая небо уже до крови, переливая кровь – в Мартина, чувствуя, каким горячим сделалось его тело, кажется, воздух дрожит над ним, как над костром.

На крыльцо выскочил констебль – сгусток страха и растерянности, с фонариком склонился над темной грудой на крыльце; Эгле не смотрела на него.

Констебль в ужасе закричал.

Мартин закашлялся и пошевелился.

Эгле трясущимися ладонями ощутила мокрую, горячую, разорванную в клочья ткань пальто. Мартин дышал.

На секунду ей показалось, что ее застрелили секунду назад, что она парит над землей и видит Мартина внизу и он жив.

Мартин повернулся на бок, из широко открытых глаз ухо-

дила муть. На смену ей накатывало потрясение; несколько секунд Эгле и Мартин молча смотрели друг на друга.

Вернулись звуки: далекий собачий лай. Хлопанье дверных створок. Осторожные шаги по снегу – это соседи, пришли спросить, кто стрелял. Сейчас здесь соберется половина селения Тышка.

– Март, – шепотом сказала Эгле. – Нам надо отсюда... уходить.

* * *

После встречи с Соней Клавдий вернулся во Дворец Инквизиции. Человек, которому он перезвонил еще с дороги, прибыл через час – хотя добираться ему было далеко, из районного центра провинции Вижна. Не иначе, служебный автомобиль летел по трассам под мигалкой, и обыватели в ужасе думали, что ведьмы возобновили нашествие.

Он вошел в кабинет Клавдия – двухметрового роста, баскетболист-любитель, с жутким шрамом от виска до подбородка; шрам можно было косметически откорректировать, если бы его носитель заботился о таких мелочах. Август Сокол, в прошлом хороший оперативник, теперь – с администраторским опытом, два года был заместителем Сони из Альтицы, получил травму на посту, провел три месяца на грани жизни и смерти, сумел выжить и восстановиться, в том числе и на баскетбольной площадке. Клавдий много лет

мысленно держал его в резерве; во время «ведьминой ночи» в Вижне этот человек великолепно проявил себя – и как оперативник, и как стратег. Со временем, конечно, власть испортит его, но это будет потом, а надежный союзник требовался Клавдию сегодня.

– Да погибнет скверна, – пробормотал баскетболист, переступая порог. Он понятия не имел, зачем его вызвали с такой степенью срочности, и у него были, похоже, нехорошие предчувствия.

Клавдий уставился на него – не тратя времени на деликатность, выискивая приметы депрессии или тревожности, определяя текущий психологический статус визитера; баскетболист замер посреди кабинета, позволяя Клавдию делать свое дело, не сопротивляясь и ни о чем не спрашивая. Идеальная реакция.

– Садитесь, – сказал наконец Клавдий. – Прошу прощения, что без предисловий... Вы ведь знаете специфику округа Альтица, не так ли?

* * *

Они стекались со всего поселка. То и дело тренькали звонки мобильных телефонов. Толпа собиралась вокруг констебля, под мутным фонарем, – люди переговаривались, переглядывались, поглядывали на черный инквизиторский автомобиль у забора – хорошо, что окна были совершенно непро-

зрачными снаружи.

Окруженный односельчанами, констебль все больше ожидал, напиваясь уверенностью и, вероятно, с каждой минутой по-другому помнил события. Констебль был частью этого мира. Мартин и Эгле – чужаки. Люди продолжали собираться, настороженные, напуганные, злые. Местные, укорененные в этих лесах, соседи, чьи семьи жили бок о бок веками. Слухи, раздуваясь, как пламя на ветру, носились над головами.

Васил Заяц так и лежал на крыльце, мертвой хваткой стиснув карабин, пуля из которого неизъяснимым образом попала ему в живот. Его сын, все еще в наручниках, стоял над телом, непонимающе глядя перед собой, будто отключив сознание. Вокруг охали, ахали, хлопотали, звонили по телефону, вытягивали шеи, водили огнями фонариков.

Мартин допил воду из пластиковой бутылки, облизнул губы, откинулся на спинку пассажирского кресла:

– Прости. Я привез тебя в змеиное гнездо. И сам подставился, как ребенок. И подставил тебя.

– Как ты? – шепотом спросила Эгле.

Он через силу улыбнулся:

– Ничего, прекрасно... Если, конечно, это не предсмертное видение.

– Не видение, – сказала Эгле. – Как ты себя чувствуешь?!

– Живой, – пробормотал он с некоторым сомнением. – Девчонку нам не забрать теперь, не дадут.

– К лучшему, – сказала Эгле. – Ее мать скоро объявится. А папаша-тюремщик больше никогда ее не запрет... Март, это я его убила?

– Поехали, – сказал Мартин. – Пока нас не зажарили на паре смолистых костров.

Эгле завела машину – инквизиторский автомобиль слушался беспрекословно, будто признав ее право держать этот руль. Толпа заполнила дорогу впереди, загораживая проезд; Эгле, закусив губу, медленно тронула машину.

– Не нападай, – тихо сказал Мартин. – Ни в коем случае.

Эгле кивнула, сжав зубы, по сантиметру продвигаясь вперед.

Бампер почти уперся в шеренгу односельчан, крепких мужчин и женщин, глядящих очень недобро. Они не собирались никуда уходить. Эгле помнила, как Ивга обратила толпу в бегство несколькими выстрелами, но с тех пор многое изменилось: эти больше не разбегутся. Они будут стрелять в ответ. Пощады ждать не приходится.

Но и Эгле не станет щадить. Эти люди еще не заплатили ей за дыру в спине Мартина, за море его крови, за тоскливый ужас, когда небо черное, звезд не хватает, а Мартин все еще мертв...

За долю секунды они почуяли ее намерение и метнулись в стороны. Вдавлив педаль в пол, взыв мотором, Эгле вылетела на заснеженную улицу буколического поселка и едва вписалась в поворот.

Она остановилась в том же месте, где Васил Заяц с товарищами пытались казнить Ивгу. Снова пошел снег. Дорогу заметало. Эгле притормозила у обочины. Мартин посмотрел вопросительно.

– Раздевайся, – велела Эгле.

– Зачем?

– Затем, что я так сказала.

– Штаны снимать? – спросил он с подчеркнутой кротостью.

Она помогла ему избавиться от дырявого пальто, провалявшего порохом и тяжелого от впитавшейся крови, отстегнуть кобуру, стащить рваный свитер и мокрую липкую майку; работал мотор, остывший салон уже почти нагрелся.

– Повернись.

На его спине был не то шрам, не то татуировка. Косая звезда, не разглядишь, если не присмотришься. Как будто пробили лед одним ударом и полынья мгновенно затянулась.

– Больно? Нет? А здесь? – Эгле касалась пальцами его позвонков, ощупывала ребра, пыталась понять, где подвох.

– Горло болит, – тихо сказал Мартин. – Немножко трудно дышать... Знаешь... там, по ту сторону, ничего нет. Пустота, чернота.

– Технически, – неуверенно сказала Эгле, – ты ведь не

умер. Совсем мертвого я не смогла бы...

– Эгле... – Он повернулся и посмотрел ей в глаза. Эгле виновато улыбнулась:

– Давай пока об этом не говорить, давай не говорить... Держи. – Она отстегнула водительский ремень, дотянулась до заднего сиденья и взяла вешалку с черным инквизиторским плащом. – Надень хоть что-то... сухое и целое. Ты замерзнешь. Ты можешь простудиться. А сверху накинь пальто, и еще тебе надо постоянно пить воду, у нас ведь есть вода, помнишь, мы купали?

Он послушно, как ребенок в гостях у бабушки, натянул мантию через голову, вытащил из бардачка пластиковую бутылку с водой, на освободившееся место засунул пистолет в кобуре. Эгле представила, как он сидел, сжав рукоятку под полый окровавленный пальто, а толпа смыкалась все плотнее, и Мартин вел обратный отсчет, готовясь открыть стрельбу поверх голов и зная, что запугать не получится...

Она торопливо выбралась из машины. Быстро захлопнула дверцу, чтобы Мартин не успел замерзнуть. Запрокинула голову: неба не было, темнота, за холмом слабо отсвечивал поселок Тышка, фары инквизиторской машины заливали светом полузанесенную дорогу.

– Так, – хрипло сказала Эгле. Пошатнулась, осознав свою усталость; дотронулась до туч, почуяла их, как слежавшуюся мокрую вату, развернула, будто плавающий по воде мусор, закрутила, с трудом надорвала; ветер налетел, взметнул снег,

страхнул сугробы с сосновых веток, осыпал Эгле застывшими кристаллами воды. В небе открылась прореха, потом другая: звезды по-прежнему стояли по ту сторону неба, нетронутые.

Эгле почувствовала такое облегчение, что у нее подкосились колени. Она вернулась в машину. Мартин сидел, сжимая в руках бутылку с водой, и смотрел удрученно.

– Все нормально, – пробормотала Эгле в ответ на его взгляд. – Мало ли какая бывает погода.

– Не делай так, – отрывисто сказал Мартин. – Это же видно, понимаешь? Инквизитору такие штуки заметны издали!

– Прости, мне надо было проверить одну вещь...

– Что ты не порушила галактику мимоходом? Нет, ведьмы не взрывают сверхновые, они работают с образами. С иллюзиями. С метафорическими рядами...

Он увидел ее замешательство и тут же сменил тон, улыбнулся, протянул ей бутылку с водой:

– Знаешь, это уже трижды. Третий проклятый раз ты меня спасаешь. Я чувствую себя не инквизитором, а какой-то принцессой в беде...

Она начала хохотать и так, смеясь, смахивая слезы, вытащила из кармана куртки две смятых пули. Протянула ему на ладони – Мартин застыл, уставившись на пули, раздувая ноздри. На два куска свинца – и на Эгле. И снова на ее ладонь – в свете фар, отраженном от снега.

– Возьми! – От смеха у нее болели бока. – Сделаем талисман... парочку, тебе и мне.

– Тебе и мне, – повторил он, принимая от нее расплющенные пули. – Эгле, у меня нет слов.

– Забудь, проехали... Это было, конечно, больно, но очень красиво. Я не смогу повторить... наверное. Не смогла бы. Мартин, кто я?!

Он убрал пули в карман, потянулся к ней и двумя ладонями провел по волосам, глядя с такой нежностью, что Эгле не выдержала и тоже подалась вперед, прижалась лицом к его колючей щеке, вздохнула, закрыла глаза и поверила, что ничего страшного больше никогда с ними не случится.

Щека Мартина сделалась очень жесткой, Эгле почувствовала разряды под кожей – потянуло мурашками, острыми, как швейные иголки.

– Как же я мог тебя так подставить, – сказал он шепотом.

Эгле отстранилась, вопросительно посмотрела ему в глаза:

– При чем тут ты?! Ты все делал правильно! Это они озверели совсем. Мы вернемся – с полицией, мы разберемся, мы никому ничего не простим. Мы заберем у них девчонку, и все у нее будет хорошо... И у нас все будет хорошо... – Она на секунду запнулась. – Март? Что с тобой?

– Мы получили ответ на вопрос, кто ты. – Он говорил явно через силу. – Два ответа, один очень хороший... другой очень плохой. Как я мог так тебя подставить...

– То есть я все-таки его убила?!

Он на секунду зажмурился, как человек, стоящий перед бездной:

– Не ты зарядила карабин. Не ты прицелилась и нажала на спуск. Нет, это не ты его убила. Но в инквизиторской практике «ведьмин самострел» – устойчивый термин, и это случается, когда колодец выше семидесяти...

– Но, Март, я ведь не хотела, – пробормотала Эгле, чувствуя, как немеют щеки. – Он был сволочь, но убивать его...

– Разумеется, ты не хотела убивать! Это природа действующей ведьмы, понимаешь, природа, которую изменить нельзя...

– То есть я все-таки. – Эгле нервно сглотнула, – я все-таки зря... «чистая» инициация... все мои мечты... А я просто убийца...

– Он стрелял в тебя, а не ты в него! – От Мартина резко потянуло морозом. – Любой суд бы тебя оправдал... не будь ты действующей ведьмой! Ты новое существо в этом мире, новое, небывалое, а мир... остался прежним!

Он замолчал, глубоко вдохнул и выдохнул. На секунду прикрыл глаза. Поток холода, идущий от него, ослабел.

– У Инквизиции есть протокол, отработанный веками, – сказал Мартин тоном ниже. – «Ведьмин самострел» – значит смертный приговор, но пока был мораторий, казнь заменяли пожизненным... А теперь моратория нет.

Сделалось очень тихо. Снаружи шелестел снег – тучи, по-

тревоженные Эгле, заново сгустились и разразились снегопадом, и огромные хлопья летели вниз и несли в свете фар свои огромные серые тени и укладывались вместе с тенями на целину.

– Они уже знают, что ты в Ридне, что ты со мной, что ты действующая ведьма, – пробормотал Мартин. – Теперь еще узнают, на что ты способна.

– Кто?!

– Упыри, с которыми я сижу за одним столом. – Он растянул губы, получилось совершенно не весело. – Кураторы. Главы окружных инквизиций... Хоть бы телефонная связь прервалась в этой проклятой Тышке. Хоть бы столбы им завалило, чтобы констебль не дозвонился до своего регионального начальства. Но ведь дозвонится, дело времени...

– Мы должны сообщить Клавдию? – тихо спросила Эгле.

– Хороший вопрос. – Он смотрел на падающий снег. – По правилам – да, о чрезвычайном происшествии такого рода я должен немедленно доложить...

– И он... он разве нам не поможет?!

Мартин помолчал секунду. Эгле снова окоченела.

– Знаешь, – начал Мартин, – в детстве он меня никогда не ругал. Никогда. Но я всякий раз понимал, в чем накосячил, и старался исправить, искренне, чтобы он мог мной гордиться. Он был для меня... знаешь, такая фигура отца, что прямо головой в небо... А потом я стал его подчиненным.

– Жалеешь? – Эгле не успела придержать язык.

– Нет, – сказал он убежденно и снова нахмурился. – То есть не жалею о своем выборе. Но лучше бы мне не знать, кто он такой и каким может быть. Я очень его люблю. Но бывают моменты, вот как теперь...

– Ты, по-моему, немножко не в своем уме, – пробормотала Эгле. – Вспомни, что он сделал для Ивги...

– Для нее – да, – тихо сказал Мартин. – Если бы речь шла о маме, я был бы уверен, что он пойдет на все, чтобы ее защитить. Но речь о нас с тобой...

– Ты его сын!

– Я его подчиненный, который обгадился. А ты действующая ведьма. К Эгле Север он очень трогательно и тепло относится. Но ведьму, совершившую «самострел», может отправить на казнь – для ее же блага...

– Нет, – сказала Эгле дрогнувшим голосом. – Я не верю.

– Ты его не знаешь, – пробормотал Мартин. – Тридцать пять лет во главе Инквизиции – это необратимо.

– Я ему доверяю!

– Доверяй, – Мартин кивнул, легко уступая. – Нам нужна другая машина. Мы уезжаем из Ридны. Попробуем пробиться в Альтицу, на болота, там легко затеряться...

– Но мы же только приехали, – тихо сказала Эгле. – У нас были планы. У нас была... миссия, что ли. Будущее...

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Прости, – пробормотал Мартин. – Да, у нас были... планы. Придется теперь их немножко пересмотреть. Твоя жизнь

дороже.

– Март, – сказала она с досадой, – ты так говоришь, будто я беспомощная девочка, которая должна бежать и прятаться, а я... Я всех инквизиторов без соли сожру. Пусть только попробуют меня взять.

– Стандартная ошибка. – Он отстранился, глаза затуманились. – Если бы ты знала, сколько флаг-ведьм на этом погорели. Почуяв себя всесильными. Бросив вызов Инквизиции... В лучшем случае их убивали на месте, но чаще всего – подвал, допрос, казнь.

Он говорил просто и буднично, за каждым его словом стоял жуткий опыт. Эгле почувствовала, как пот, пропитавший футболку под свитером, делается ледяным и липким.

Мартин поймал ее взгляд. Его лицо изменилось.

– Это не про тебя, – сказал он отрывисто и сухо. – Тебя никто не тронет, пока я жив... А я больше не собираюсь умирать, все, я исчерпал лимит допустимых смертей.

Он до отказа повернул ручку терморегулятора, хотя в машине и без того было жарко, как в летний полдень. Горячий воздух лился из вентиляционных решеток, ледяной поток исходил от Мартина. Капюшон черной хламиды лежал у него на плечах; Эгле заново осознала, что сидит посреди леса в инквизиторской машине и рядом с ней действующий инквизитор с многолетним служебным стажем.

– Ох, прости, – сказал он с горечью. – Как бы я хотел тебя от этого оградить...

– И что же, – дрогнувшим голосом начала она, – мне теперь всю жизнь прятаться в Альтице... на болотах?!

– Нет, – сказал он твердо. – Конечно, нет. Это... временно. У тебя есть будущее... у нас обоих. Общее будущее. Но сейчас тебе надо просто выжить.

Снег ложился на ветровое стекло.

* * *

«...А кто вам сказал, что мироздание, каким мы его мыслим, останется неизменным навеки? Эдак мне никогда не избежать обвинений в крамоле... Сударыни мои ведьмы не желают преобразать мироздание; так волк, живущий в одном загоне с курами, не желает менять окружающую его действительность, он просто питает себя необходимой ему пищей... Тягостная тень висит над моей душой. Я не знаю, что будет завтра...»

Перед Ивгой лежало на столе редчайшее издание – мемуары Атрика Оля, Великого Инквизитора, жившего четыреста лет назад и бывшего единственным, кто сумел остановить ведьму-матку в час ее пришествия: когда эпидемии, землетрясения и самые ужасные катаклизмы обещали скорый конец света. Книга была подготовлена к юбилею Атрика Оля, тщательно, кропотливо, издана десять лет назад крохотным тиражом, для служебного использования. Ивга была горда, что смогла внести в подготовку издания и комментирование

свой маленький вклад.

Многие фрагменты она знала на память, но сам вид этого текста, шрифт, звук и запах бумаги настраивали ее на торжественный, а иногда воинственный лад: в глубине души она настраивалась на спор с Атриком Олем. Она, неиницированная ведьма. С героем прошлого, спасителем человечества. С профессиональным охотником на таких, как она...

Она подтянула к себе блокнот: раздумывая, она часто писала карандашом от руки: «Эволюционная роль ведьмы. Известные факты о ведьмах-целительницах. Почему не выжили? Каталог литературных памятников – ведьмы Ридны, отношения с соседями, система жертвоприношений. Свобода как философская категория. Разница в понимании свободы человеком и инициированной ведьмой. Природа ведьмы...»

Взгляд ее опять упал на книжную страницу: «Природа моих сударынь непостижима. Мы можем возомнить себя на месте букашки, грызущей лист для того, чтобы утолить голод... Мы можем вообразить себе это, ибо голод не чужд и нам... Когда честолюбивый государь проливает кровь своих и чужих подданных – мы понимаем, потому что гордыня не чужда и нам... Когда алчный лекарь позволяет болезни разрастаться, чтобы потом взыскать вдвое с отчаявшихся больных, – мы понимаем, что это корыстолюбие одолело его совесть... Сударыни мои ведьмы не честолюбивы и не алчны. Им не нужны ни деньги, ни власть; они не чувствуют голода и не испытывают похоти. Они не понимают, что есть добро

и что называется злом – они невинны. Они губят нас одним своим существованием...»

Ивга осторожно закрыла книгу, развернула снова на первой странице. Портрет Атрика Оля, написанный его современником, но имени художника история не сохранила. Властный жесткий старик с хищным лицом, и только в глазах, глубоко под складками век, укрыта незлобивая горькая ирония... Или ее поместила туда фантазия Ивги?

– Красивые слова, но не попытка понять, – сказала Ивга человеку на портрете. – Объяснение, почему понимание невозможно.

Ей тут же сделалось совестно: легко рассуждать, сидя у камина в собственном доме, когда все потрясения позади. Атрик Оль писал эти слова, когда в Вишне свирепствовали эпидемии, гнилая вода поднималась из подвалов, до конца света оставалось несколько черных дней...

– Но есть надежда, мой инквизитор, – сказала Ивга старику на портрете. – Если бы вы только видели Эгле, если бы вы только могли себе представить...

Атрик Оль строго смотрел с портрета. Ивга снова взялась за карандаш.

«Свобода, – написала она с нового листа. – Когда расходятся вероятности? Где поворотный момент? Решившись пройти свой путь, «глухая» ведьма не может быть уверена в результате... Либо...»

Задумавшись, остаток листа она разрисовала узорами.

Развернула к себе ноутбук: «Известно, что мотивация «глюхой» ведьмы, которая решается пройти обряд и стать действующей, в общих случаях никак не влияет на результат. Условно-положительная мотивация – инициация ради любви, ради спасения семьи или ребенка – не приводит к заявленной цели, инициированная ведьма забывает и о любви, и о семье, не говоря уже о детях, собрана обширная статистическая...»

Ивга замерла. Посидела, глядя на экран. Отодвинула компьютер и встала; вот только что была мысль. Промелькнула и растворилась. Как тогда в Ридне, где она пыталась сложить расколотую надпись из фрагментов. Вот так и сейчас, только фрагменты не валяются камнями в траве, а носятся по комнате стаяй невидимых летучих мышей: мотивация? Свобода? «Они не понимают, что есть добро и что называется злом...» Тогда в какой момент инициации они теряют это понимание?!

«Если ведьма, не подвергшаяся инициации, во многом сходна со мной и с тобой, – писал Атрик Оль, – то инициированную ведьму сложно считать человеком. Ни мне, ни тебе никогда не понять ее. Так рыбе, живущей в глубинах, не постигнуть законов огня...»

* * *

Клавдий добрался до дома за полночь – с утра в который

раз пообещав Ивге, что приедет пораньше. Она не спала; в кухне светились окна. Клавдий загнал машину в гараж, выключил мотор и несколько секунд сидел, глядя в пространство.

На сегодняшний день у него два союзника из числа кураторов – Соня, теперь из Одницы, и Август, теперь из Альтицы. Правда, обе кандидатуры не утверждены Советом... И вот тут начинается самое интересное.

Виктор из Бернста. Элеонора из Эгре. Оскар из Рянки, Елизар из Корды. Кто-то из них пошел войной против Клавдия, заручившись поддержкой герцога, не побоявшись и не постеснявшись втянуть в это дело Ивгу...

Клавдий побарабанил пальцами по рулю. Удивительная складывается ситуация. Вполне возможно, ему придется выбирать – безопасность Ивги либо свобода Эгле. И хорошо, если можно будет откупиться ее свободой, а не жизнью.

Мартин совершил ошибку, представляя Эгле своим новым людям в Ридне. Он слишком поверил, что мир изменился к лучшему, а мир, возможно, только замер на пороге перемен. Мир способен неторопливо, методично сожрать любое чудо, так, что никто и не вспомнит. Мартин поддался эйфории, оно и понятно... но не очень-то простительно для такого человека, как Март.

– Ты прокололся, сынок, – шепотом сказал Клавдий.

Открылась дверь, ведущая из гаража в дом. В проеме стояла Ивга, у нее блестели глаза, как у поэта, только что запи-

савшего упавшее с неба стихотворение:

– Ты так поздно сегодня, ты устал? Мне пришла пара-тройка мыслей, знаешь, я потеряла счет времени, ты ведь ужинал? Или нет? Хочешь чаю?

– Прости, – спохватился он. – Обещал пораньше, но... опять не сдержал обещания.

Она прищурилась, вглядываясь в его лицо:

– Что-то случилось?

* * *

Вокруг стояли темные горы. Навстречу, как лайнер, проплыл большегруз, ослепил фарами, обдал снежной жижей из-под колес и скрылся за поворотом. Небо излучало тьму. Теплый воздух из вентиляционных решеток вонял гарью. Машина продвигалась вперед – очень медленно; Эгле сидела за рулем, Мартин держал на коленях ноутбук и просчитывал варианты.

Констебль, вероятно, уже переговорил со своим начальством. Полицейские обязаны поставить в известность окружную Инквизицию – дежурного во Дворце, а тот должен связаться с верховным инквизитором Ридны, полномочным хозяином округа...

Но кто хозяин? Мартин? Или Руфус, которого здесь ценят и за кого хотели бы отомстить? Звонка от дежурного до сих пор нет, значит ли это, что дежурный проигнорировал Мар-

тина и позвонил Руфусу? А может быть, констебль, потрясенный гибелью Васи́ла Заяца, и не думал никому доклады-
вать, а пьет теперь самогон в компании односельчан?!

Проклятое селение Тышка. Кому здесь, в провинции Рид-
на, Мартин может доверять, кого может отправить хотя бы за
девочкой? Где гарантия, что завтра-послезавтра юную ведь-
му не убьют ее же родственники, снимая на камеру, нацепив
черные повязки «Новой Инквизиции»?!

– Он все равно узнает, – тихо сказала Эгле. – Пусть лучше
узнает от тебя.

Мартин отрегулировал решетку климатического контро-
ля, направляя горячий ветер на Эгле. Он знал, что сейчас
она чувствует его как ледяную глыбу на соседнем сиденье, и
ничего не мог с этим поделать – ему было плохо, гадко, со-
весть жрала его изнутри, как обезумевшая крыса с тысячью
пастей.

...Проще было ткнуть палкой в осиное гнездо и повертеть
еще, для верности. «Ты зарвался, слишком привык к свое-
му везению, – сказал недавно Руфус. – Но любое везение ко-
гда-нибудь заканчивается».

Он уставился на пустой экран, подбирая слова. Положил
ладони на клавиатуру – и снова убрал, подышал на руки, буд-
то надеясь, что дыхание вошьет в пальцы слова для отчета.

- Ты... его боишься, что ли? – неуверенно спросила Эгле.
- Я думаю, как правильно подать наши новости.
- Напиши, что работал и был эффективен, но сумасшед-

шая баба пальнула тебе в спину, это форс-мажорное обстоятельство...

– Я не должен был тебя туда тащить! – Совесть-крыса внутри Мартина зачавкала, давясь кровью. – Я тебя подставил, как...

– Полегче. – Эгле смотрела на дорогу, в ее глазах отражался освещенный фарами снег. – Меня нельзя «тащить», я не поклажа и отвечаю сама за себя. И если на то пошло, я сама принудила тебя взять меня в команду, я тебе угрожала и тобой манипулировала...

Мартин невесело ухмыльнулся.

Показался еще один большегруз. Эгле дала ему дорогу, заехав правыми колесами на целину. Грузовик прошел мимо, хлестнул грязным снегом, оставил запах выхлопа. Эгле притормозила.

– Я сяду за руль, – сказал Мартин.

– Я справляюсь.

– Все равно.

– Март, – мягко сказала Эгле, – ты увиливаешь от отчета. Хочешь, я сейчас позвоню Клавдию и все расскажу?

– Нет! – Мартин подобрался. – Я сам.

Он начал отчет, запинаясь на каждом слове. Пересказывать эти события в глаза или по телефону он вряд ли решился бы, но официальный документ – другое дело; Мартин заворачивал плохие новости в канцелярит, как зарывают дерьмо в опилки. Может быть, в таком виде события в Тышке

будут выглядеть как служебный провал, но не как полная катастрофа.

Дорога была пуста, бензина оставалось полбака. Мартин надеялся, что горы и снег отрезали их от сети, но связь оставалась стабильной – кураторская машина округа Ридна была оснащена специальным оборудованием, чтобы ни горы, ни снег, ни атомный взрыв не могли помешать куратору доложить о своем поражении. И даже о преступлении.

Наконец он закончил, перечитал и покосился на Эгле. До города Ридны оставалось, по данным навигатора, два часа дороги.

– Ночь уже, – пробормотала Эгле. – Он спит, наверное.

Там такая степень приоритетности, что он проснется, подумал Мартин. Согрел ладони под струей теплого воздуха из решетки и отправил вложенный документ по служебному каналу – до последней секунды надеясь, что не совершает сейчас ошибки.

* * *

Стол в гостиной был завален книгами, блокнотами, на почетном месте помещался толстый том мемуаров Атрика Оля. Карандаш, прокатившись по столешнице, упал на пол со стеклянным звоном.

– Я не понимаю, что происходит. – Ивга стояла перед раскрытым компьютером, моментально осунувшаяся, растерян-

ная, бледная. – То, что случилось с Эгле... Это ведь доказательство. Что лучшее будущее возможно. Девочка совершила подвиг, это шанс не только для ведьм – для всех людей...

– Подвиг Эгле, – сказал он с тяжелым сердцем, – может означать твое преступление. Скажи: конкретный рецепт, предписание, руководство к «чистой» инициации – существует в письменном виде?

– А... если бы существовал?

– Тогда это улика. – Он помолчал. – То, что случилось с Эгле, произошло впервые в истории. Не существует на этот счет инквизиторских протоколов, предписаний, нет традиций. Все заново. А по старым законам ведьма, которая экспериментирует с инициацией... очень, очень нелояльная ведьма.

Ивга побледнела; кажется, до нее только сейчас дошло, какую новость он принес.

– Не волнуйся. – Он поймал ее за руку и усадил в кресло. – Попробуй вспомнить: ты где-то записывала «рецепт»?

– Нет, – отозвалась она глухо. – То есть я собиралась. Я как раз сегодня хотела...

– Ты кому-то это показывала? Отправляла по почте?!

– Нет, – повторила она. – Я не успела... мне сложно было сосредоточиться...

Он посмотрел ей в глаза:

– Нельзя оправдываться. Если они почуют, что ты оправдываешься – или я... Они сочтут это слабостью, и правиль-

но сделают. Поэтому – только уверенность, только осознание своей правоты и абсолютное спокойствие. Ни слова вранья. Ты изучала инициацию как этнограф, это правда, это не запрещено.

– Но то, что случилось с Эгле, это разве не...

– ...Эксперимент – метод познания, при помощи которого в контролируемых и воспроизводимых условиях исследуются явления действительности. – Иногда он благодарил судьбу за то, что в детстве его неплохо учили. – Кто-то контролировал условия? Нет. Их можно воспроизвести? Вряд ли. Был наблюдатель? Нет. Значит, не было никакого эксперимента.

– Но мы ездили в Ридну...

– Поездка была твоей идеей? Нет. Ты собиралась проходить инициацию? Нет. Ты отговаривала Эгле от инициации? Да. Это правда.

– Я не могу так сказать! – Ивга посмотрела на него с ужасом. – Клав... Ты хочешь, чтобы я ее подставила вместо себя... обвинила Эгле... в нелояльности?!

– Речь сейчас не об Эгле, речь о тебе. У нее совсем другая история, и заниматься ее делом я буду отдельно. – Он поймал в своем голосе сухие рабочие интонации.

– Клав, – сказала она после секундного колебания. – Нашу «правду» можно при желании повернуть так и эдак... Я готова пойти в тюрьму. На время или... на долгое время, если это поможет Эгле, ведь у нее ситуация хуже, она иницирована... Переведи стрелки на меня, мы поехали на моей ма-

шине, по следам моих исследований... Это ведь тоже правда. Выведи ее из-под удара! В конце концов, такая принципиальность только усилит твое влияние...

Надо было знать, что означает для Ивги ее свобода, чтобы оценить по достоинству это предложение. Клавдий в первую секунду не нашел слов – просто потянулся к ней, чтобы обнять, но в этот момент пискнул телефон тем особенным звуком, который заставлял его просыпаться среди ночи: экстренное, важнейшее сообщение из провинции.

* * *

Мартин молчал, глядя на дорогу, молчал уже пятнадцать минут. Эгле поглядывала на него с беспокойством:

– Все в порядке? Ничего не болит? Ты хорошо себя чувствуешь?

– Отлично. Как новый. Не беспокойся.

– Март, это твой отец, а не посторонний злобный судья.

– Тут, видишь ли, сама ситуация – злобный судья. Жизнь – вообще озверевший судья... Если увидишь заправку – давай остановимся.

Впереди показался еще один большегруз, занимая собой почти всю трассу, обе полосы. Эгле, сжав зубы, приняла вправо, встала у обочины и пропустила его. Поток грязи снова хлестанул по инквизиторской машине, заливая тонированные окна бурой жижей с еловыми иголками. Эгле вклю-

чила аварийную сигнализацию.

Пискнул ноутбук. Мартин содрогнулся, Эгле вцепилась в руль:

– Что?!

– Распоряжение, – пробормотал Мартин, пробегая глазами текст. – Он... отправляет по тревоге своих людей из Вижны... сюда. Оперативников. Для расследования инцидента в Тышке.

– Что это значит?!

– Что он не доверяет никому из здешних... из Ридны. И не доверяет мне. Это вмешательство в дела провинции, очень грубое. Предупреждение о неполном служебном соответствии. И он вызывает меня срочно. Экстренный Совет кураторов...

Даже в полутьме Эгле видела, как сильно Мартин побледнел.

– А как это скажется на наших планах? – тихо спросила Эгле.

– Он приказывает доставить тебя в Вижну. – Мартин смотрел на монитор, свет экрана отражался в его глазах. – Доставить. В Вижну...

Сделалось очень тихо.

– Зачем? – шепотом спросила Эгле.

Будь на месте Мартина любой другой инквизитор, тот лишился бы всех постов и привилегий в одну минуту. Ему не позволили бы даже уволиться, нет; он отправился бы в самую глухую глушь, на самую тяжелую и грязную работу, без надежды оттуда выбраться – до пенсии, и Клавдий бы лично за этим проследил.

Он намеренно приводил себя в ярость, гневом выжигая ужас и отчаяние. Сколько же можно получать известий о гибели сына?! Сколько сил у этой девчонки, которая вытаскивает его раз за разом, но ведь когда-нибудь и она не справится?!

Он поднялся в кабинет и отправил распоряжение Мартину – сухое и очень короткое. Потом активировал линию спецсвязи, поднял дежурную опергруппу и направил в Ридну – без консультации с куратором, поверх его головы. Расследование должно было начаться еще до утра, результаты Клавдий заранее объявил секретными и приказал докладывать о деле ему лично.

«Ведьмин самострел». На фоне расследования герцога и заговора кураторов. Спасибо, сынок, ты, похоже, ее убил.

Положив на место трубку служебного аппарата, Клавдий вдруг подумал, что все эти годы не боялся прослушки. Не сомневался в ближайших сотрудниках и успевал поймать

любое предательство на стадии намерения. Не считал молодого герцога хоть сколько-нибудь влиятельной персоной. Возможно, был слишком самоуверен. Или постарел и потерял чутье. Одна мысль о том, что его разговоры, возможно, слушают, показалась кошунственной, но вовсе не такой безумной, как несколько минут назад. Я паникую, сказал себе Клавдий. Интересно, с чего бы. Я видел кое-что пострашнее, чем заговор кураторов... Собственно, одних только заговоров на моем веку я видел шесть или семь. Почему мне так нехорошо? Потому что Ивга? Потому что Эгле?!

В доме стояла тишина – такая плотная, что немного болели уши. Ивги не было ни в спальне, ни в гостиной. Клавдий торопливо спустился вниз; она сидела на кухне, сгорбившись у стола, и, когда он вошел, посмотрела с таким ужасом, что ему сделалось совестно.

Умение понимать друг друга без слов иногда приходилось очень кстати – он не мог представить сейчас, что ей говорить. Мартин рассказал историю своей смерти канцелярским языком, сыпучим, как стиральный порошок, и столь же лишенным эмоций; рано или поздно Ивга этот текст прочитает, но не сейчас. Только не сейчас.

– Все хорошо, – сказал Клавдий. – Иди сюда.

Тонкий свитер на ее спине был влажным, сердце колотилось. Почему же я не могу ее защитить, подумал Клавдий сумрачно. Почему она снова ждет беды каждую секунду?!

– Оба живы, – сказал он Ивге на ухо. – Оба здоровы. И, я

надеюсь, в безопасности. Либо скоро будут в безопасности.

– О чем ты думал, когда посылал его в Ридну? – прошептала Ивга.

– Я думал... – пробормотал Клавдий. – Я думал, он станет тушить пожар, вместо того чтобы раздувать... Послушай. Я попрошу тебя сделать одну вещь... срочно, прямо сейчас. Помнишь, у тебя была серия текстов... о субстратной топонимике Ридны?

– Не понимаю, – она жалобно посмотрела ему в глаза. – При чем тут...

– Возьми эти тексты, – сказал Клавдий, – и скомпилируй... Со статьей об оскверненном обряде. Впиши историю «скверны» в литературный, этнографический, какой угодно контекст, но без намека на практику. Утопи «чистую инициацию» в субстратной топонимике. Мы заставим их читать академические исследования, пусть продираются, мучатся, пусть листают словари...

– А что будет с Эгле?!

На оперативной карте светился маячок – далеко в Ридне инквизиторская машина стояла на обочине горной трассы. Неподвижно.

* * *

– Зачем?!

У нее в кармане зазвонил телефон – громко и резко, так,

что она чуть не прикусила язык.

«К. С.» было написано на экране. У Эгле пересохло во рту: почему-то она не думала, что Клавдий может перезвонить ей, а не Мартину.

– Алло...

– Привет, – Клавдий говорил дружелюбно и небрежно, как на лужайке для пикников. – Вы где?

– В машине...

– «Ридна-служебная», бортовой номер один?

– Д-да...

– Я вас вижу на мониторе, – сказал Клавдий в трубке. – А почему вы стоите?

– Остановились... На минуту... Мартин ни в чем не виноват. – Эгле заставила себя говорить спокойно. – Это стечение обстоятельств.

– Поезжайте немедленно, – сказал он тоном безусловного приказа. – Сразу в аэропорт. Он уже сказал тебе? Ты летишь с ним в Вижну.

– Но, – пролепетала Эгле, – Мартин считает...

Она быстро посмотрела на Мартина и замолчала.

– Ты летишь в Вижну, это не обсуждается, – сухо сказал Клавдий.

– Меня казнят?! – На этот раз она не успела придержать язык.

– Тебя зажарят и съедят. – Его голос наполнился желчью. – Не болтай ерунды, пожалуйста.

Он сделал паузу. Сказал мягче:

– Доверяй мне. Не бойся. Хорошо?

– Да, – деревянными губами отозвалась Эгле.

Разговор прервался. Эгле посмотрела на Мартина, – тот был мрачен, казался старше своих лет и был в эту секунду очень, очень похож на Клавдия Старжа.

* * *

Их машина – маячок на карте – наконец-то двинулась с места. Оба в шоковом состоянии, напомнил себе Клавдий. При том, что один – инквизитор незаурядной силы, а другая – ведьма с колодцем за семьдесят. Мартин никогда, никогда раньше не допускал таких промахов. Чудо, что он жив, – но теперь Клавдию хотелось прибить его своими руками. Мартин жив, а что будет с Эгле?!

Времени почти не оставалось. Следовало ехать во Дворец Инквизиции среди ночи и вызывать людей... а ведь неплохо, что среди ночи. Если человека выдернуть из теплой кровати, поставить на ковер посреди холодного темного кабинета, собеседник будет податливее, мягче, нежнее... Да, и герцога это тоже касается. Особенно герцога. Другое дело, что полномочий вызывать к себе герцога у Великого Инквизитора нет, и ни один из предшественников Клавдия об этом даже не помышлял, традиция есть традиция...

Машина в Ридне преодолевала перевал, погодные карты

показывали сильный снег. Ничего, сказал себе Клавдий, служебные машины такого класса могут хоть горы пересечь, хоть океан, а у Мартина водительские права гонщика-экстремала. Проклятое селение Тышка отпустило этих двоих.

Пока.

* * *

Телефонный звонок прозвучал в половине первого ночи. Руфус не спал; вот уже неделю он маялся бессонницей, задремывал в восемь, просыпался к полуночи и больше не смыкал глаз.

Он ждал звонка, держа телефон под рукой, но случайно выронил трубку, и пришлось тянуться за ней, вылезать из-под одеяла, а в комнате было прохладно – Руфус экономил на отоплении. Старая овчарка, дремавшая у кровати, постучала хвостом по полу, не открывая глаз.

– Да погибнет скверна, – сказали в трубке. – Есть новости, патрон. Эгле Север совершила «ведьмин самострел».

Его рука с телефоном дрогнула. Еще чуть-чуть – и пришлось бы разыскивать трубку второй раз. Но Руфус из Ридны умел обуздывать эмоции.

– Она нужна мне живой, – сказал, натягивая плед поверх одеяла. – Никаких несчастных случаев при задержании.

– Да, патрон. Но, видите ли, это еще не все новости...

Овчарка вздохнула, будто кому-то сочувствуя, и растяну-

лась на лежанке, раскинув тяжелые лапы.

Часть вторая

Колеса подминали глубокий снег, фары освещали белую гладь и отражались в миллионах острых граней. Печка работала на полную мощность, но Эгле все равно было холодно.

Мартин первым нарушил молчание:

– Теперь нам так просто в Альтицу не сбежать.

– В какую Альтицу, если он сказал в Вижну?!

– Эгле. – Мартин не смотрел на нее. – Надо поговорить.

– О чем? Ты думаешь, что Клавдий...

Она сделала паузу, но Мартин молчал.

– Но это безумие. – Эгле натянуто улыбнулась. – Во-первых, чисто технически мы обязаны подчиняться... Во-вторых, я ему доверяю, он мой... друг.

Мартин сокрушенно покачал головой, будто удивляясь ее наивности.

– Он явно знает что-то, чего не знаем мы, – сказала Эгле, на ходу подбирая аргументы. – Он все правильно делает. Он... видимо, что-то уже придумал, он понимает, как лучше...

Мартин молчал, играя желваками.

Никас Чайка долгие годы служил клерком при Дворце Инквизиции в Вижне, был уважаемым человеком и благоразумно держался подальше от оперативной работы. Больше того – господин Чайка панически боялся ведьм, зато был хорош как делопроизводитель, исполнитель, аккуратен и имел, между прочим, доступ к засекреченным документам.

Никогда прежде его не поднимали звонком среди ночи и не приказывали немедленно – по тревоге – явиться в кабинет Великого Инквизитора. Естественно, бедняга немного нервничал. Накануне он пил пиво с друзьями – запах страха по полам с алкоголем заставил Клавдия включить вытяжку на полную мощность.

– Господин Чайка, как вам платят люди герцога? В конверте – или прямо на счет?

Клавдий по-отечески улыбался; клерк, сейчас стоящий перед ним, не так давно оформлял для архива стенограмму встречи Мартина с сотрудниками в Ридне. Той памятной встречи, на которой новый куратор представил своим людям инициированную ведьму.

Чайка мигнул. Помолчал секунду. Перевел дыхание, как понял Клавдий, с облегчением:

– Я... прошу прощения, патрон. Я не могу комментировать... ваши слова. Поскольку... мне выражено недоверие...

Я вынужден подать в отставку.

Они обещали ему запасной аэродром, подумал Клавдий. И хорошее пособие. И безбедную старость. Для него отставка – вожделенный приз, он так боится ведьм, что готов бежать из Инквизиции, как только приоткроется лазейка.

– Никас, здесь ведь не кабак, и вас наняли не вышибалой, – сказал он с сожалением. – Вышибала бы уволился легко. Но вы предали Инквизицию, а это организация с богатой историей.

Чайка перестал улыбаться. Снова мигнул, несколько раз подряд.

– Но... трудовое законодательство, патрон. Я ведь не... руководящее лицо и не оперативник...

– Идемте. – Клавдий встал. – Я вам кое-что покажу.

Его спокойная будничная уверенность вывела Чайку вслед за ним из кабинета и провела несколько метров по коридору, потом клерк остановился:

– Патрон, но... куда мы идем?!

Клавдий посмотрел на охранника в нише коридора. Это был немолодой человек, всю жизнь проработавший на низкой должности, Клавдий видел его на посту четырежды в неделю и всякий раз кивал, здороваясь и прощаясь, прекрасно зная драматическую историю его жизни и не допуская ни намека на высокомерие. Охранник поймал его взгляд и мгновенно оказался рядом:

– Да, патрон?

– Мы с господином Чайкой идем в подвал, – сказал Клавдий. – В блок четыре. Проводите нас, пожалуйста, и сообщите коллегам внизу, что мы там сейчас будем.

– Но... – пробормотал Никас Чайка. – Патрон, нет, я умоляю!

* * *

Блок четыре был новым, как для Клавдия, ну что такое двадцать лет, в самом деле. Блок строился, чтобы содержать особо опасных ведьм, не заковывая в колодки, давая в заточении относительный комфорт – и надежно предотвращая побег. Глубочайший подвал, бункер, инквизиторские знаки на стенах, активируемые снаружи при необходимости. Решетчатый люк сверху. Бетонные перекрытия. Сейчас в бункере сидела одна из тех, кого поймали уже после «ведьминой ночи», и была она, по всей видимости, обречена, потому что мораторий на смертную казнь для ведьм давно не действовал.

Воин-ведьма, колодец пятьдесят семь. Она почуяла его на входе – но и Никаса Чайку она почуяла тоже. Непонятно, что было сильнее – дискомфорт от присутствия Клавдия или азарт от чужого страха.

Охранник встал у входа, благоразумно далеко, ни во что не вмешиваясь.

– Вы забыли, что такое Инквизиция, Никас. Вы забыли,

чему служите. И от кого защищаете. Подойдите ближе. Посмотрите.

Учитывая панический страх этого человека перед ведьмами, реакцию можно было предугадать. Господин Чайка замер на месте:

– Патрон, я всего лишь наемный работник. Я никогда...

Клавдий коснулся рычага; скользнула в сторону решетка люка, открывая ход вниз. Ведьма ждала – Клавдий на секунду почувствовал угрызения совести. Как будто он посулил этой ведьме развлечение, но собирался обмануть.

– Патрон, – пробормотал Чайка. – Это... опасно... пожалуйста...

– Подойдите к краю и посмотрите вниз.

– З-зачем?

Клавдий сделал шаг, оттесняя его к люку. Чайка попятился, будто в грудь ему устави́ли копьё.

– Я прошу...

– Я решил вам напомнить, – сказал Клавдий, – кого именно вы предали. Инквизиция – стена между вами и тем, кто внизу. Хотите ослабить, разрушить, разложить стену? Добро пожаловать.

Он хотел выдержать воспитательную паузу, но ведьма сощурилась и перехватила инициативу. Инквизиторские знаки не давали ей вырваться, но внутри, в своем бункере, она была вполне свободна. Цепь-знак материализовался, как тонкая невидимая нитка, обвил щиколотку Никаса Чайки и

дернул по направлению к открытому люку.

Клерк-инквизитор упал и потащился по бетонному полу, визжа, извиваясь, пытаясь уцепиться за гладкое покрытие ногтями, локтями, чуть ли не зубами. За долю секунды он достиг уже люка и готов был свалиться вниз, но Клавдий успел порвать цепь-знак, и нить лопнула. Чайка удержался на краю, вскочил на четвереньки, по-собачьи отбежал к дальней стене, вжался в нее и замер, а его вопли, затихая, еще долю секунды прыгали от стены к стене в глубинах бункера. Ведьма внизу заворчала еле слышно, но очень выразительно.

С ведьмами нельзя играть, подумал Клавдий, закрывая решетку и мысленно вытирая холодный пот. С ведьмами нельзя быть беспечным. Уж я-то, с моим опытом, мог бы уже научиться... Ну свалился бы он вниз. Или умер от инфаркта прямо здесь. И что бы я делал с его сиятельством герцогом?

– Я надеюсь, мы друг друга поняли, – сказал Клавдий, не глядя на трясущегося Чайку. – Мне от вас кое- что надо, вы предпочитаете сделать это здесь – или наверху, в кабинете?

* * *

Как и следовало ожидать, Чайка сливал информацию не лично герцогу, а его доверенному лицу и советнику, человеку непубличному, но крайне влиятельному. К счастью, у шпиона имелся резервный канал, предназначенный для экстренных и очень секретных донесений, и вот они-то попада-

ли к его сиятельству напрямую.

– Напишите, что Великий Инквизитор умер во Дворце пол часа назад, – сказал Клавдий, – что событие держится в строгой тайне, что заместители готовят кадровые перестановки, не оповещая кураторов в провинциях.

Никас Чайка секунду смотрел непонимающе. Потом съелся, как подгнившая слива. Потом затрясся:

– Но... Если я такое напишу...

– Смелее, – поощрил Клавдий. – А вдруг я действительно испущу дух к моменту, когда герцог прочитает сообщение? А вдруг вы получите награду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.